

ты бы

пойдёшь

со мной?

Key 4 Sally

12+

Валерия

Key4Sally

Ты пойдешь со мной?

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Key4Sally

Ты пойдешь со мной? / Key4Sally — «ЛитРес: Самиздат»,
2017 — (Валерия)

Шагнув в сказку, Лера нос к носу сталкивается со смертью в обликии Фоса. Но храбрый рыцарь не заставил себя долго ждать! И ничего, что рыцарю всего пятнадцать, главное, что живет он в уютном домике посреди леса и мастерски готовит глазунью с желтками небесно-голубого цвета. Жить бы долго и счастливо... Но Леру похищают. Она оказывается в огромном замке, хозяин которого, напыщенный и самовлюбленный волшебник, утверждает, будто никакого рыцаря нет и быть не может. Хуже то, что он с легкостью это доказывает. И что делать? Поверить ему и смириться с тем, что ты сумасшедшая, или поверить себе и найти того, кого все считают плодом твоего воображения?

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Желания сбываются	8
Глава 2. Похищение	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Key4Sally

Ты пойдешь со мной?

Предисловие

Это был очень тяжелый день. Чертовски тяжелый. Да еще и телефон никак не замолкает. Выбросить бы его к чертовой матери! Туфли не снимаются – застежку заело. В квартире темно, но свет я не включаю. Не хочу. Пусть будет темно. Наконец удастся расстегнуть туфлю, и она летит прочь. Следом вторая. Господи, как же хорошо ногам. Я пошевелила затекшими ступнями, и по моему лицу растеклась блаженная улыбка. Бросила сумку в прихожей и прошлепала в зал.

– Здравствуй, мой родненький, мой мягонький. Скучал по мне? Я скучала... – и, упав на диван, я наконец-то почувствовала себя дома. Так тихо. Электронные часы показывают восемь утра – опять свет отключали. Однако встать, пойти в прихожую и достать из сумки телефон, чтобы точно узнать время, казалось сейчас абсолютно непосильной задачей. Хочу полежать. В конце концов, я и так знаю, что почти одиннадцать.

Каким же бесконечным показался мне этот день. Когда я уходила, Сашка еще сидела над курсовой. Собирается все выходные ею заниматься. В общем-то, мне бы тоже следовало. Сдача во вторник, а сегодня суббота. Осталось не так уж много времени, особенно если учесть, что готовность – всего две трети. Но после того, как я сломала ноготь, я поняла, что удача в ближайшее время ко мне не вернется, и поехала домой. Не буду я ничего делать. Я отдыхать буду, и плевать мне на все на свете и на курсовую в частности. Мои выходные принадлежат только мне. К сожалению. Или к счастью? Может быть, но пока счастливой я себя не чувствую. Есть хотелось безумно, но лежать в темноте и тишине было так приятно, что я себя уговорила – есть не хочу совсем. Снова завибрировал телефон. Нужно было его выключить. Неблагодарные спина и ноги заныли. Я лежала, чувствуя, как сон медленно накрывает меня: «Бог с ним, с ужином», – подумала я, бодрствующей частью сознания, соглашаясь со своей ленью в том, что, пожалуй, можно спать и так, не раздеваясь. Усну и буду спать до завтра. До двух часов дня, может и до пяти. И поем тоже завтра.

Резко завибрировал мобильник, и я, то ли от неожиданности, то ли от того, что уже успела задремать, вздрогнула и подскочила. Сердце колотилось, как сумасшедшее, собираясь вылезти через горло. Само собой, сон, как рукой сняло.

– Да чтоб тебя!

Я поднялась и зашагала в прихожую к своей «вибрирующей» сумке. Достав телефон, я приложила максимум усилий, чтобы не швырнуть мой неугомонный гаджет в окно. Разблокировала экран, на котором красовалось уведомление о пятнадцати пропущенных звонках и десяти сообщениях. Одиннадцать тридцать. Выключив телефон, я отправила его обратно в сумку. Ну что ж, раз поспать мне не удалось, будем есть.

Я пошла на кухню. Включив свет, минут пять стояла, зажмурившись, пока глаза не привыкли. Постепенно глазки-щелочки открылись, и я полезла в холодильник. Пока закипал чайник, микроволновка грела остатки пиццы, а кружка наполнялась сахаром и кофе, я разговаривала сама с собой:

– Ну что ему нужно от меня?

Чайник щелкнул. Я налила кипятка в кружку, и аромат кофе приятно заполнил мою истрепанную и изрядно измученную голову, вытесняя, хоть и на мгновение, дурные мысли и желание впасть в истерику.

– Что вообще может быть нужно человеку после ТАКОГО?

Звякнула микроволновка. Я открыла дверцу и достала тарелку с двумя увесистыми кусками тонкого теста, томатного соуса, колбасы и сыра. Включила телевизор, нашла спортивный канал, и, усевшись поудобнее, продолжила рассуждения вслух:

– Вот если бы я кому-то изменила, зачем бы я стала звонить после этого? Собственно, для чего? Чтобы поинтересоваться, все ли я сделала для того, чтобы ты себя чувствовал полным ничтожеством, или есть еще простор для творчества? – но в ответ мой телевизор поведал мне, что к чемпионату мира сборная России по хоккею готова на двести пятьдесят процентов. О как! Я откусила внушительный кусок пиццы.

– Откуда у людей столько наглости? – и слезы снова предательски навернулись мне на глаза. Не то, чтобы я ждала от этого парня чего-то большого и вечного, совсем наоборот – мне он казался никудышным и безнадежным ухажером со скудной фантазией и ограниченным словарным запасом. Просто обидно понимать, что даже на такую бестолочь спрос больше, чем на умную и красивую меня. Не то чтобы пришла пора бить тревогу и начинать набирать первую десятку кошек, чтобы скрасить жизнь старой девы, нет, но и получить плевков в спину от человека, не способного сказать, в каком веке он сейчас живет, довольно обидно. И да, я прекрасно знаю, что вы скажете: «Чего так убиваться? Тебе всего девятнадцать лет? Невелика беда. Встретишь другого. Подумаешь...», – и, очевидно, будете правы. Но вот что я скажу – измена – это всегда мерзко. Вам не нравится слово «измена»? Считаете, из уст девятнадцатилетней девчонки оно звучит чересчур драматично? Ладно, заменим его словом «обман», если уж режет ухо. Обман, в каком бы возрасте вы его ни переживали, в девять, двадцать или пятьдесят два, всегда бьет по самому нежному и незащищенному. Просто чем ты моложе, тем острее ты переживаешь эту мерзость, потому что это твоя первая (ну максимум вторая) обида. Но чем старше мы становимся, тем меньше ранят нас обиды, и не только потому, что ты уже видел это сотни раз, но еще и потому, что и сам обижал неоднократно. Эта мысль немного угнетает. Совсем чуточку. Да сегодня не я поступила по-свински, не я обидела человека (в этот раз), и не мне сторицей вернется причиненная другому боль. Я – молодец. Но почему-то эта мысль совершенно не утешает меня.

– ...и в овертайме ЦСКА все-таки забивает победный гол, увеличивая счет до 3 очков в общем зачете...

Пицца совсем сухая, но как говорится, на безрыбье...

– ...были удаления, но тем не менее, многие сходятся во мнении, что эта игра была самой аккуратной, я бы даже сказал, осторожной, за весь период кубка...

Я молодец. Мо-ло-дец. Я умная и красивая. Больше умная, конечно, но и красивая тоже.

– ...теперь питерцам поможет только чудо. Но практика показывает, что и чудеса случаются!

Я выключила телевизор. Ну вас всех! Пицца жесткая, кофе слишком горячий, курсовой не готов, ноготь сломан под корень. Хочется купить биты, пойти к своему теперь уже бывшему и узнать, не хочет ли он сыграть в бейсбол. Так. Все, стоп! Не хочу никаких принцев, курсовых и бессмысленных звонков. Никаких дурацких мыслей о кошках и обидах. И тем более никакого хоккея. Не хочу нечего! Где моя книжка?

Бабушка с дедушкой на все выходные уехали на дачу, и в квартире кроме меня не было ни души, а это, должна заметить – почти праздник. Я разделась, умылась и спустя пять минут уже лежала в кровати с книжкой в руках. Тот, кто придумал книги, был гением, добрым волшебником. Наверняка немного сумасшедшим, но кто не без греха? Сказка. Я их очень люблю, а эта – моя самая любимая. Я практически знаю ее наизусть, но все же раз в полгода перечитываю ее заново. Вот и теперь, лежа под одеялом, когда во всей квартире темно, и лишь ночник мягко освещает страницы, которые мелькают одна за другой, я не могу остановиться. И снова, как и в первый раз, реальность перестает существовать. Здесь волшебство и прекрасный принц, здесь чудеса и приключения, здесь любовь, вырванная из когтей зла, а потому искрен-

няя, неподдельная и навсегда. Тут никто не спросит у тебя, сколько страниц занимает первая часть курсовой работы, никому нет дела до того, что на твоей юбке непонятно откуда взялось огромное пятно, и никто не прячет от тебя сочувствующих глаз, зная, что твой молодой человек только что уехал с какой-то блондинкой на ЕЕ машине. Это не со мной, это не про меня, это не моя жизнь! Моя жизнь на страницах зачитанной книги, которая скроет, спрячет меня. Возьмет за руку и поведет туда, где мое место. Оно спрятано среди горных хребтов, скрыто под облаками, а входы и выходы перекрыты бурными реками и безбрежными морями. Там леса и луга, там ветер и кристально-чистая, прозрачная, словно хрусталь, вода, и такие цветы, которые вы не сможете даже вообразить. Там, где ни одна живая душа не сможет найти меня. Где-то далеко, совершенно в другом мире, стрелки циферблата летят с бешеной скоростью, и мне отчаянно не хватает времени. Я отрываю глаза от книги – четыре часа ночи! Так и до утра досидеть можно.

Я горько вздохнула и выключила ночник. Еще долго книжное похмелье не дает мне уснуть, и я перебираю в голове любимые места, персонажи, события, слова, которых нет и быть не может в моей настоящей жизни. И так отчаянно захотелось, чтобы все, о чем я мечтаю, читаю, думаю, стало осязаемым. Чтобы можно было прикоснуться, ощутить запахи и тепло, увидеть собственными глазами, услышать, запомнить на всю жизнь, а потом, рассказывать своим детям, внукам, когда я буду настолько стара, что каждое мое слово будет восприниматься, как бред сумасшедшего. Как же не хватает этой сказки в обычной жизни. Почему бы не изобрести машину, которая сможет переносить человека в мир книги? Тогда, правда, придется держаться подальше от Кинга и Лавкрафта. Зато я без промедления отправлюсь в страну своей любимой книги, и, может быть, останусь там навсегда. Как же я хочу в сказку. Вот прямо сейчас.

Сон сморил меня резко, словно выключили свет, и был крепким, совершенно без снов.

Глава 1. Желания сбываются

Проснулась я от холода. Темно. Значит, еще ночь. Опять окно не закрыла! Зябко— то как. Мне очень не хотелось вставать, закрывать окно, и поэтому я всеми силами убеждала себя, что мне абсолютно комфортно, но получалось пока не убедительно. Сейчас полежу немного и снова засну. Сквозь сон я чувствовала пьянящий аромат травы, листы и каких-то цветов. Все-таки есть плюс от открытого окна — днем никогда так не пахнет. Да и ночью, вообще-то, тоже. Странно. Я, конечно, не в центре живу, но и на окраине в так называемом спальном районе воздух ничуть не чище. Так откуда такой приятный аромат? Одеяло куда-то подевалось. Я потянулась, пытаюсь нащупать его. Внезапно сон как рукой сняло, потому что моя рука прошла по мягкой, слегка влажной траве. Я резко открыла глаза. Вот это да... Я не верила своим глазам. Картинка явно не совпала с моими ожиданиями. Вокруг меня, сколько хватало глаз, раскинулся ночной лес. Высоченные деревья уходили далеко вверх, закрывая кронами небо-свод, густой подлесок. Земля, словно ковром, устлана мягкой, как шелк, травой, на которой я и лежала. Где-то очень далеко слышался шум воды, в кустах трещали сверчки. Луны видно не было, потому как ее полностью закрывало густой листвой деревьев, но там, где ей все-таки удавалось найти брешь, серебрились тонкие полосы света. Мне еще никогда не снилось ничего более реалистичного, такого настоящего на вид, на ощупь, на запах...

— Это сон, — тихо прошептала я, и тут до меня дошло, что, поскольку я сплю, то и бояться мне нечего. Я решила осмотреться. Медленно (сон сном, но ночью в лесу даже во сне жутковато), стараясь ничем не выдать себя, я поднялась на ноги. Но до чего же удивительный сон — холодно по настоящему, реалистичнее просто некуда. зуб на зуб не попадает. Прохлада ночного леса пробиралась под кожу, заставляя мелко дрожать. Сейчас я была безумна рада, что не сплю голышом, но от пронизывающей сырости ночная рубашка, хоть и длинная, совершенно не спасала.

— Нужно двигаться, — сказала я себе как можно тише, дабы не привлечь внимание какого-нибудь хищника. Не хотелось превращать чудесный сон в кошмар. Я наугад выбрала направление и побрела, медленно переступая босыми ногами. Довольно быстро я поняла, что черепаший темп не греет, а только усугубляет ситуацию. Я остановилась и, обхватив себя руками, стала оглядываться в поисках какой-нибудь захудалой хижины или покосившейся деревянной лачуги. Избушка на курьих ножках тоже сойдет. Но все вокруг, сколько хватало глаз, занимал густой лес без начала и конца. Красиво, конечно, но очень холодно.

— Какой-то странный сон. Ничего не происходит, — успела пробурчать я, прежде чем услышала отчетливый шелест второй пары ног за спиной. Я оглянулась. Звук прекратился. Показалось? Да нет, не думаю. Я стояла, прислушиваясь и отчаянно вглядываясь в темные заросли. Тихо. Я попятилась, продолжая слушать и смотреть. Ничего не происходило. На всякий случай, я огляделась в поисках внезапно выросшего из — под земли крепкого деревянного домика. Его, само собой, не обнаружилось, но попытаться стоило. Осмотрев дерево, рядом с которым стояла, я прикинула, что при определенной сноровке смогу залезть на самую нижнюю ветку. Надо заметить, что в детстве я отменно лазила по деревьям. И хотя звук прозвучал довольно далеко от меня, я решила не искушать судьбу и перестраховаться.

Потратив пять минут невероятных усилий, разорвав подол ночнушки и поставив пару ссадин на руках и ногах, я все же оказалась на нижней ветке. Тяжело дыша, я взобралась еще на пару ветвей повыше, пока не оказалась на прочной, толстой ветке, целиком скрывающей меня листвой от посторонних глаз. Усевшись поудобнее, я с удивлением пыталась понять, что же меня так напугало? К своему стыду, я понятия не имела чего ради забралась на дерево. Я вслушивалась, но ночь молчала. Время шло, а я мерзла. Ничего не происходило, и я уже совсем было собралась спускаться, как шорох повторился вновь. На этот раз ног было не две, а четыре.

Теперь это слышалось очень отчетливо. Существо не спешило, медленно двигаясь в мою сторону. Не знаю, как это объяснить, но по звуку было совершенно ясно, что оно не крадется, а просто не торопится. То ли эта вальяжность сыграла со мной злую шутку, то ли это было совершенно естественно в данной ситуации, но в следующую секунду ледяной страх пронзил мое нутро ледяной иглой. Сердце подскочило к горлу, а потом ухнуло обратно в грудь и стало отплясывать, грозясь проломить собой ребра. Мне казалось, что его стук эхом разносится в лесной чаще, и что страшное «нечто», если не увидит меня, то услышит однозначно. И вот, шелестя травой и раздвигая кусты огромными косматыми боками, прямо под моей веткой возник огромный волк. Он был вдвое больше обычного волка, а его длинная густая шерсть лоснилась на откормленных боках в тусклом отблеске лунного света. Животное явно не голодало. Он был крепок, массивен и мускулист. Движения его были плавными и расслабленными. Он никого не боялся, явно чувствуя себя вольготно в собственном лесу. Меня затрясло, а на спине выступила холодная испарина. Колотило меня так отчаянно, что я боялась не удержаться на ветке. Я смотрела, как волк вертел остроносой мордой, а его бока поднимались и опускались. Я слышала его дыхание и, казалось, чувствовала его на своей коже. Огромная серая голова оглядывалась в разные стороны. Я знала – он ищет именно меня. Более того, я чувствовала, что он знает, где я. Он повернул голову и почти уткнулся огромным мокрым носом в ствол моего дерева. Он втянул воздух, пробуя на вкус ароматы ночного леса, ища среди них мой, пропитанный страхом и дрожью. Его голова медленно начала подниматься вверх. Еще секунда и он увидит меня. Ну все, пиши – пропало.

– Ты чего тут опять вынюхиваешь? – голос был молоденький и явно мальчишеский. – Пшелл вон отсюда!

Волк резко повернул голову, посмотрел туда, откуда голос звучал, и оскалится, обнажив огромные, белые клыки. Даже в скудном лунном свете они переливались, как жемчуг. Это было бы красиво, если бы не было так страшно. Я позабыла, как дышать, и лишь ждала, что же будет дальше. Шерсть на загривке волка поднялась дыбом, и из глубины его огромной груди послышался низкий рык, от которого все вокруг завибрировало.

– Рычать вздумал? Сейчас, подожди... – что-то зашуршало. Волк зарычал еще сильнее. Вдруг неожиданно для меня и, видимо, для мальчишки, волк пригнулся к земле, прижал уши и, словно молния, прыгнул в сторону парнишки. Я услышала лишь короткий вопль злости и неожиданности. Не знаю, что на меня нашло, но в следующее мгновение я спрыгнула с насыженной ветки. Тело действовало отдельно от разума, который в тот момент мог лишь беспомощно вопить от ужаса. Я машинально огляделась и, подняв с земли самый тяжелый камень, я, что было сил, запустила его прямо в спину косматого, который в этот самый момент угрожающе навис над перепуганным парнем. Волк издал странный звук, словно поперхнулся. Огромная треугольная голова медленно повернулась в мою сторону, и я увидела большие угольно – черные глаза, которые влажно блестели во мраке. Но самым жутким было то, что они были абсолютно черны – ни белков, ни радужки, ни зрачка. Просто две огромные чернильные капли, всматривающиеся в меня, пробирающиеся до самого дна куда-то, где никогда не бывало даже мое собственное подсознание. Этот взгляд выворачивал наизнанку, скреб по моим нервам невидимой наждачкой. На меня накатили страх, злоба и какая-то ноющая, словно больной зуб, тоска. Скрепя зубами, я подняла и бросила еще камень. Он пришелся зверюге прямо в лоб. На какую-то долю секунды волк замер, словно задумался о чем-то, а затем, медленно переступая огромными, когтистыми лапами, двинулся ко мне. Движения его были медленными, грациозными, а черные глаза, по-прежнему не отрываясь, смотрели на меня, изучая от макушки до кончиков босых ног. В эти секунды я судорожно пыталась сообразить, чем же давать отпор. Очевидно, что камнями этому гиганту не навредить и даже не поцарапать. Был бы огонь... Но его не было. Да уж, не тем местом я думала, спрыгивая с дерева. На волка голыми руками! Но нужно было спасти мальчишку. Да только теперь и сама пропаду, и он не спасется. Хоть

бы дал деру! Так нет же, сидит, смотрит. Мысли метались в голове, словно крысы на тонущем корабле. Ноги сами по себе отступали назад. Страх сменился ужасом. Частое, сильное дыхание застряло в горле, скованные льдом внутренности онемели и словно бы исчезли, оставив внутри пустоту, в которой эхом отдавалось сошедшее с ума сердце. А потом случилось нечто невероятное – страх смешался с неистовым желанием жить, и я почувствовала, как внутри рождается нечто, для меня совершенно новое. Это была ярость. Она бурлила, закипала, разгоняя застывшую кровь, наполняя меня огнем. Мышцы налились силой, адреналин взвинчивал нервную систему, легкие качали воздух. И тут я услышала громкий звериный рык, вырывающийся из моей груди, сотрясающий воздух, превращая в камертон стоящие рядом деревья, исходящий из меня, словно взрывная волна. Волк остановился в двух шагах от меня и замер. Он пригнул голову с прижатыми к черепу ушами и повернул ее, как это делают собаки, когда что-то удивляет их. Он принюхался. Застыв, он не решался подходить ближе. Странно, но он не был напуган. Он был удивлен. Бесконечно долгую минуту мы смотрели друг на друга. Я больше не боялась, я была готова драться, и наверное, именно это он прочитал в моих глазах, потому что, подняв могучую лапу, он сделал шаг назад. Затем еще один. И вот он уже пятится, чуть не затоптав оторопевшего, белого, как молоко, паренька. И лишь когда огромная серая спина затерялась в дальних кустах, я сделала громкий вдох. Голова моя пошла кругом. Ярость покидала меня вместе с силами. Я, как подкошенная, упала на траву. Все завертелось вокруг. В безумном хороводе кружились надо мной деревья и кусты. В глазах потемнело, и я медленно начала проваливаться в черноту. Но прежде, чем я отключилась, я успела услышать довольно странный вопрос, который задало молодое лицо, склонившееся надо мной: «Ты ведьма?»

Еще не открыв глаза, я почувствовала, что лежу в кровати. «Все-таки это был кошмар, – подумала я. – Обидно. А ведь так все хорошо начиналось». Я даже немного расстроилась. Слишком уж реальным, правдоподобным было все, начиная от леса с его запахами и полутонами и заканчивая огромной волосатой зверюгой. Я могла поклясться, что до сих пор чую запах его шерсти. От воспоминания о нем мерзкий холодок пробежал по моей спине. Кстати, о спине – все ужасно затекло. Сколько же я спала? Наверное, уже обед. И все же, как приятно просыпаться в теплой постели. Лес, каким бы прекрасным он ни был, не сравнится с чистым постельным бельем и мягким одеялом. Я потянулась и поняла, что ошибалась. Кровать, оказывается, не всегда самое приятное место, где можно проснуться, особенно, когда просыпаясь связанным. Я дернулась. Никак. Попытавшись пошевелиться, я поняла, что связана туго и, судя по затекшим конечностям, довольно давно.

Я открыла глаза. Утреннее солнце прямыми лучами падало из раскрытого окна на старый, потертый, но чистый деревянный пол. Никакого ковра, лишь плотно подогнанные друг к другу деревянные доски, нагретые солнышком. Стены из деревянного бруса, утепленные чем-то похожим на солому, перемешанную со мхом, абсолютно голы – ни обоев, ни краски, ни картинок каких-нибудь. Потолок выглядел так же, как и пол, с той лишь разницей, что был наверху. Вся прочая обстановка в виде нехитрого, но прочного на вид стола, на котором громоздились скудные столовые приборы, стула с высокой спинкой и большого деревянного короба с тяжелыми дверцами, чем-то отдаленно напоминающего шкаф, но размером с комод, чинно стояла на своих местах. Венчала всю эту компанию выложенная из мелкого камня печка – маленькая и круглая, похожая на бочку с длинной трубой, уходящей в потолок. Приятный запах теплого дерева и каких-то неведомых мне трав наполнял домик. Именно домик, потому что размерами до полноценного дома он не дотягивал, да и язык не поворачивался сказать как-то иначе. Он был мал даже для сторожки лесника, но чистота и нарочитая простота делали его уютным. Если бы не тугая веревка поперек моего тела, я бы даже почувствовала себя как дома.

Тут входная дверь с мелодичным скрипом открылась, и в домик вошел тот самый мальчишка, который моими стараниями вчера ночью не был съеден. Он бросил в угол охапку дров,

которые принес с собой, и хмуро уставился на меня. Я молча смотрела на него, ожидая благодарности за свое благородство и извинений за нерадушный прием. Спустя две минуты гробового молчания не последовало ни первого, ни второго. Надо запомнить – никогда, НИКОГДА не помогать другим! Понимая, что даже в такой неловкой ситуации как-то надо начинать знакомство, я набрала воздуха в грудь, но, не успев раскрыть рта, услышала негромкое:

– Кто ты такая?

– Лера, – подавилась воздухом я.

– Я не о твоём имени, – он изо всех сил старался выглядеть старше и как можно более грозным. – Ты ведьма?

В ответ я усиленно замотала головой и мяукнула «нет».

– Тогда как ты сумела прогнать Фоса?

Очевидно, Фосом парень называл волка.

– Понятия не имею. Как-то само собой получилось.

– Сама собой только изжога случается. Фоса невозможно напугать! – он не верил мне и начинал злиться. А я все меньше и меньше понимала, почему то, что зверь не сожрал нас этой ночью, так расстраивает этого парня.

– Слушай, не то чтобы я напрашивалась на благодарность, но, по-моему, тому, что волк вчера сбежал, можно только порадоваться, разве нет?

Он молча смотрел на меня, не то злясь еще сильнее, не то пытаясь найти подходящие к ответу слова. Одно было очевидно – такими темпами от веревок я освобожусь еще очень не скоро. Его брови прочно сошлись на переносице, а худощавое лицо стало еще более угловатым и нарочито серьезным. Он оказался гораздо выше и немного старше, чем мне показалось вчера. На вид ему было лет пятнадцать. Короткие, как попало стриженные, волосы были взъерошены и так сильно выгорели на солнце, что их изначальный цвет было трудно распознать. Подростковая худоба и угловатость еще сохранились, но уже уступали принимающей свои очертания мужественности.

– Так ты ведьма? – снова задал он вопрос, никак не дающий ему покоя.

– Нет.

– Тогда кто же?оборотень? Может, и вовсе – нежить...

Судя по тому, как парень на полном серьезе говорил о ведьмах, оборотнях и прочей нечисти, я начала догадываться, что мое желание попасть в сказку исполнилось. Ну или меня захватил в плен умалишенный. В любом случае обстановку нужно было как-то разрядить. И тут я, наконец, вспомнила, кто я.

– Я бухгалтер.

Я надеялась увидеть на его лице облегченную гримасу или что-то похожее на узнавание, но он лишь продолжал смотреть на меня, по-видимому, ожидая деталей.

– Бухгалтер – это счетовод (по-прежнему никакой реакции на суровом мальчишеском лице), – я вздохнула и с надеждой в голосе спросила. – Может быть, ты меня все-таки развяжешь? Очень уж неудобно.

– Мне удобно, – коротко ответил он.

– Ладно... Я еще только заканчиваю учебу, но в будущем я буду считать деньги. Сколько взяли, сколько потратили, на что потратили. Сколько денег есть и сколько понадобится в будущем. Понимаешь?

Он искренне пытался понять. Я видела это, но в то же время задавалась вопросом, что же это за глушь такая, где никто слыхом не слыхивал о бухгалтерах.

– Откуда взяли? – спрашивает он.

Ну что ж, это уже что-то.

– Оттуда, куда их положили.

– Кто положил?

– Ну, не знаю. Ты, например. Ты положил, а я взяла.

– С какой стати ты берешь то, что тебе не давали? – его взгляд стал еще суровее, а я подумала, что мне стоило попасть в сказку о русалочке. Иногда быть немой полезно.

– Я возьму на время, а потом верну.

– Зачем же брать что-то, чтобы потом это отдавать?

Отличный вопрос, который, надо заметить, даже меня сбил с линии повествования. Ну не рассказывать же ему краткий курс экономики?

– Слушай, я не ведьма! И не оборотень. И уж тем более не то, третье, что ты там называл... Я просто девушка. Ясно?

Он смотрел на меня, уже не хмурясь, но все еще сомневаясь.

– Откуда мне знать, что ты не врешь?

– Да даже если и вру, ты все равно никогда этого не узнаешь. Ну не будешь же ты меня держать здесь связанной вечно? – посмотрела на него и поняла – этот будет, и поспешила реабилитироваться. – Слушай, я уже рук не чувствую. Ну, сам подумай, для чего бы я вчера героистовала? Чтобы сегодня превратить тебя в лягушонка и от души похохотать?

Он крепко задумался. Я же все никак не могла взять в толк, за что он так недоверчиво относится к людям. И тут два варианта: либо я не внушаю абсолютно никакого доверия, либо лес и вправду кишит всевозможной нечистью, так что шагу невозможно ступить, не наткнувшись на ведьму, вампира или представителя косметики. Но тут он прервал мои раздумья, подойдя к кровати, и со словами: «Смотри у меня...», – развязал веревку, да так ловко, буквально одним движением, и – voila – я свободна. Когда я села на кровати, потирая затекшие руки, он максимально строго, насколько это позволял мальчишеский голос, добавил:

– Имей в виду, я с тебя глаз не спущу.

– Я поняла, поняла...

Он насупился и принялся деловито ходить по комнате, орудуя нехитрым кухонным инвентарем. Видимо он собирался завтракать. Ну что ж, если мне посчастливится, я не откажусь от чего-то съедобного. И пока он ходил туда-сюда, я украдкой рассматривала его. Действительно, он был намного выше, чем я думала. Как минимум на полголовы выше меня. Худоба его не выглядела болезненной, скорее наоборот – жилистый и довольно крепкий. Движения скупые и отточенные, но, судя по некоторой скованности, я понимала, что мое присутствие смущает его. Честно говоря, больше всего меня удивила его одежда – на нем была самотканая рубаша, сшитая хоть и аккуратно, но слишком уж просто и незамысловато. Так просто, словно одежду на парня шила пятилетняя девчонка, и наверное поэтому больше напоминала светло-серый мешок, чем предмет гардероба. Кожаные штаны, очевидно, творение той же талантливой руки, что шила верх, и не имеют ни формы, ни какого бы то ни было конкретного размера. Весь этот, не побоюсь этого слова, ансамбль, выглядел на худом теле довольно забавно, и напоминал висящий на флагштоке, флаг.

Тем временем парень закинул пару поленьев в печку, а на импровизированную конфорку поставил что-то напоминающее чайник и кастрюлю одновременно. Он наполнил «чайник» водой и спросил:

– Есть будешь?

– Да, спасибо. Слушай, а где мы? Как называется это место? – спросила я, ожидая услышать что-то трудновыговариваемое.

– Понятия не имею, – сказал он абсолютно спокойно, без малейшего намека на шутку или сарказм.

– Ты не знаешь где мы?

– Сказал же, нет.

– Ты что, не живешь здесь?

– Живу, – кивнул он.

– Тогда как можно не знать, где живешь?

– Я знаю, что живу в лесу, но не знаю, как он называется. Да и не думаю, что у него вообще есть название.

– У всего есть название. Как можно жить где-то и не знать, как называется место в котором ты живешь?

– Очень просто. Без воды нельзя жить. Без еды. Без крова. А без названия живется так же хорошо, как и с ним.

Надо признаться, я не нашлась что ответить. Я вообще решила – почему бы мне не помолчать чуток? Говорят, для женщины это бесценное качество.

Не успела я оглянуться, как на столе организовался нехитрый завтрак на двоих: хлеб, яйца и варенье. Причем желток у яиц оказался ярко-голубого цвета. Какая прелесть. Мне определенно начинает нравиться этот сказочный мир. Почему-то это заставило меня улыбнуться. Он это заметил и еще крепче сдвинул брови на переносице. Парень заварил чай, и как только он налил его в грубую берестяную кружку, по комнате разлился дурманный аромат. Не знаю, как это объяснить, и уж тем более не имею ни малейшего понятия, что он туда добавил, но казалось, что каким-то образом ему удалось поймать и налить в кружку аромат утреннего леса, солнца и свежесть ручья, бегущего по горным перевалам. И как-то сразу стало спокойнее. То ли от ароматного чая, то ли от того, что меня хотят накормить, но мне стало комфортно, и я заулыбалась еще сильнее. Наверное, он думает, что у меня не все дома... Да и пусть думает. Тут еще не разобраться надо, чья крыша дальше уехала. Ведь, согласитесь, довольно странно выглядит парень пятнадцати, может четырнадцати, лет, живущий в крошечной лачуге один, посреди леса, не имея ни малейшего понятия, что это за места и как они называются. Он странно одет, у него диковатые манеры, он думает, что бухгалтер – это разновидность нечисти, и связал меня за то, что я пыталась его спасти.

Закончив со всеми приготовлениями, он, усевшись на единственный стул, принялся за голубую глазунью. На мгновение мне даже показалось, что он просто напросто забыл о моем существовании, и по привычке сел завтракать в полном одиночестве. Но услышав глухое: «Чего сидишь? Приглашение особое нужно?» – сказанное набитым ртом, я поняла, что не забыта.

– Вообще, хотелось бы... – сказала я с лицом, преисполненным гордостью и чувством собственного достоинства.

В ответ он лишь закатил глаза и заработал челюстями в привычном темпе. Я посчитала, что в данной ситуации это вполне может сойти за приглашение, к тому же неумеренный выпендрёж мог стоить мне завтрака, и я все с тем же гордым видом подошла к столу.

– А куда мне сесть?

Он перестал жевать и поднял на меня озадаченный взгляд. Затем пробежался глазами по комнате в поисках чего-то более менее подходящего на роль стула, но, так и не найдя, вздохнул, поднялся с тарелкой в руках и сел на кровать, сложив ноги по-турецки. Я села за стол, стараясь не выдать волчий аппетит. Но Боже мой, каким же все оказалось вкусным! Вроде бы хлеб как хлеб, но каким ароматным и нежным он был. А яйца! Голубая глазунья имела ярко выраженный вкус ветчины, слабо пахла сыром и вообще не имела ничего общего с привычным для меня яйцом. Варенье по консистенции напоминало клубничное, но почему то пахло бананом с ярким сливочным послевкусием. Огромных усилий мне стоило сидеть тихо и молча, потому что внутри меня буйствовала кулинарная феерия. Привычные на вид продукты во рту взрывались фейерверком совершенно неожиданных вкусов, заставляя крошечного гурмана внутри меня прыгать и пищать от восторга. Видимо, что-то все-таки отражалось на моем лице, потому что парень поглядывал на меня не то с недоверием, не то с недопониманием. Но, как уже было сказано мною выше, еще неизвестно, кому из нас больше пойдет смирительная рубашка.

Завтрак подходил к концу, и хмурые брови моего нового знакомого, наконец, заняли положенное им место на худом лице. Видимо, глядя на то, с какой скоростью я управилась с

угощением, он подумал, что плохой человек не может так аппетитно есть. Лично я всегда так считала. Так или иначе, когда завтрак был съеден, топор войны был наполовину в земле.

– Слушай, а зачем тебе три тарелки и две кружки, если ты живешь совсем один? – спросила я.

– С чего ты взяла, что я один?

– Была бы у тебя компания, стульев было бы больше.

Он бросил на меня взгляд, явно спрашивающий: «Не слишком ли ты умная?». Я ответила взглядом: «Нет, в самый раз».

– Не люблю мыть посуду, – сказал он и поднялся с кровати.

Пока он убирал со стола, я молча наблюдала за ним. Видимо, его это смутило, и он спросил:

– Когда собираешься выходить?

Я облизала сладкие от варенья пальцы и удивленно уставилась на него:

– Куда выходить?

– Ну, ты же явно откуда-то пришла, значит, шла куда-то. Я бы на твоём месте вышел завтра с рассветом. Ночью идти опасно, сама видела.

Тут я понимаю, что меня выгоняют. Я чувствую, как хлебушек встает поперек горла, и сдавленно говорю:

– Мне некуда идти, – при воспоминании об огромном звере, гуляющем где-то в чаще леса, желудок пригрозил вывернуться наизнанку. Еще одну ночь в лесу я не выдержу. Он удивленно посмотрел на меня.

– Откуда ты?

– Из очень далеких мест.

– Ты из-за гор?

– Ну... допустим.

– Давай без «допустим». Откуда ты?

– Для человека, не знающего, где он сам находится, тебя слишком уж сильно волнует этот вопрос. Если мы оба не знаем, где мы, так ли важно, откуда я?

Он насупился, собрался было возразить, но не нашел – что. Потом, наверное, попытался решить, что же ему со всем этим делать. И пока он мучительно принимал решение, я наблюдала за всей этой мыслительной агонией и, незаметно для самой себя, начала грызть ноготь на большом пальце (нет, не на ноге, и да, своей руки).

– То есть, – наконец сказал он – ты пришла из ниоткуда и идешь в никуда.

Мне не понравился язвительный тон, но объяснять, что он живет в сказочном мире, а я пришла из мира реального, мне показалось большим из зол. Поэтому я кивнула и примирительно улыбнулась. Он не посчитал нужным улыбнуться в ответ, лишь стоял и смотрел на меня.

– И где же ты собираешься жить?

– У тебя! – выпалила я и сама обалдела от собственной наглости. Я ошалело смотрела на него и молча ждала, что же сейчас будет.

Поначалу он пытался понять, шучу я или нет, но когда он понял, что я не шучу, началось самое интересное – поток эмоций буквально захлестнул его. Все промелькнуло так быстро, что я так и не успела понять, что же творилось в его голове. Целый kaleidoscope эмоций, длящихся сотые, тысячные доли секунды, пролетели одна за другой. Удивление, гнев, недоумение – это лишь то, что я четко смогла распознать, остальное смазлось, какдвигающийся на фото объект. А потом его брови снова встретились на переносице, и молодое лицо снова насупилось.

– Мне не нужны нахлебники.

Тон его должен был говорить о твердой решимости и обдуманности решения, но на деле же он просто отчеканил, громко и грубо. Он отвернулся и стал рассматривать тлеющие угли в печи. Я не на шутку испугалась. Неужели выгонит меня вот так просто, в лес, к диким зверям?

Смотрю на него и понимаю – выгонит. Пытаясь сдерживать нарастающую панику и говорить жизнерадостно и непринужденно, я почему-то говорила таким голосом, словно мне наступили на хвост.

– Послушай, я конечно не эксперт по выживанию в лесу, но даже я могу быть полезной! Одежду заштопать и посуду... Да, да, посуду буду мыть! Ты ведь не любишь мыть посуду? А я люблю (наглое, бессовестное вранье)! Могу за ягодами и грибами ходить.

– И куда же ты за ними пойдешь? В какую сторону?

– На юг, – ляпнула я.

Он вздохнул и помотал головой.

– Севернее. Чем севернее, тем больше мест и они гуще.

– На север, так на север, – пискнула я, всем своим видом показывая полную боевую готовность и самоотверженное подчинение. Он смотрел на меня, я – на него, и мы оба понимали, что толку от меня никакого. Но еще мы понимали, что я не выживу в лесу и дня. Он снова покачал головой и потер переносицу. Я чувствовала себя дворнягой, прибившейся к первому попавшемуся человеку, отчаянно виляя хвостом, чтобы понравиться, в надежде на то, что ее примут. Я сделала еще одну попытку задержаться здес, во что бы то ни стало.

– Я не собираюсь оставаться навсегда, но дай мне хотя бы оглядеться. Здесь есть поблизости город или деревня?

– Самое ближайшее отсюда место – то, откуда пришла ты. Так расскажи мне, как далеко отсюда ближайший поселок?

Да... Плохо дело.

– Это очень, очень далеко. Но самое худшее, что я не знаю обратной дороги.

Он с искренним равнодушием пожал плечами. Наверное, совсем не это он хотел от меня услышать. Он поднял на меня глаза, и в них мелькнуло разочарование. Всего мгновение, но этого было достаточно, чтобы весь мой позитивный настрой растворился без следа. Стало тоскливо. Я чувствовала себя бесполезной, как ведро с дырявым дном.

– От меня ни на шаг, и делать все, что я скажу. Никакой самостоятельности, – сказав это, он развернулся и вышел из дома. Тяжелая деревянная дверь с легким скрипом отрезала этот разговор. Я сидела на стуле и не могла понять – радоваться мне или огорчаться.

Почти весь этот день он провозился со мной, объясняя, где лучше собирать грибы, а где ягоды, почему к лесным зверям лучше не подходить, даже если это пушистая маленькая белочка, и чем в этом лесу можно отравиться. Но прежде, чем мы вышли из дома, он критически осмотрел меня.

– Так по лесу ходить нельзя, – сказал он глядя на мою ночную рубашку. – Что это за зверь? – он указал на улыбающегося Чебурашку, нарисованного на ней. – У вас водятся такие?

– Да, – сказала я, не желая углубляться в азы отечественной мультипликации, но еле сумела сдержать улыбку, представляя себе лицо какого-нибудь охотника, который увидел бы в лесу Чебурашку во плоти. Думаю, даже большой голодный медведь не смог бы произвести большего впечатления. И пока я давилась своим собственным хихиканьем, он достал из-под кровати низкий, тяжелый сундук явно собственноручной работы. И руки эти росли не оттуда, откуда им надлежит расти. Широкий, приземистый он словно был сколочен наскоро, а доски явно были не из одного и того же набора – одна темная, другая светлая, одна шире, другая уже, кроме того, они были разной длины, и удивляло уже то, что они вообще держались вместе. Я, возмнив себя профессиональным плотником, конечно же, подумала, что сделала бы в миллион раз лучше, но вслух сказала:

– Ты так и не сказал, как тебя зовут.

Он бережно открыл корявую крышку и что-то пробубнил себе под нос.

– Я ничего не поняла. Говори громче.

– Меня зовут Влад, – сказал он, разогнувшись и повернувшись ко мне с какой-то серой тряпкой в руках. Это оказалась рубашка от того же одаренного кутюрье, что была на нем самом, но меньше и местами в заплатках.

– Как раз твой размер, – сказал он и отдал ее мне. Я взяла тряпицу в руки, боясь, что она рассыплется в труху, стоит мне к ней прикоснуться. Но, повертев ее в руках, я поняла, что сшита она бездарно, но прочно. Следом за рубашкой из сундука появились тряпичные брюки и старые изношенные ботинки. Вот они-то произвели на меня самое неизгладимое впечатление. Сшитые вручную, они были полностью мягкими, а к тому месту, где у любой нормальной обуви есть подошва, обычной веревкой примотан кусок березовой коры. Я не выдержала и захохотала от всей души. Влад, поняв, что меня так рассмешило, смущенно пробубнил:

– Нечего ржать. Это были мои первые ботинки. Я тогда не знал, как пришивать подошву. Я попыталась успокоиться, но коварное «хи-хи» пыталось прорваться наружу.

– Не нравится – не надевай, – сказал он и попытался забрать это чудо инженерной мысли из моих рук. Я, конечно же, не отдала, но и хихикать прекратила.

– Ну прости, пожалуйста. Но это так очаровательно, просто нет слов.

Он сердито запихивал сундук обратно под диван, бубня что-то под нос.

– На самом деле это лучше, чем ходить босой. Спасибо большое.

Он поднялся и посмотрел на меня.

– Переодевайся и выходи на улицу, – сказал он, выходя из дома и плотно закрывая за собой дверь.

Вещи оказались мне как раз, но смотрелись так же мешковато, как и на нем. Странно, но когда я сняла ночную рубашку и переделалась в старую, бесформенную, залатанную одежду, мне стало комфортно. словно вещи, созданные в этом мире, и меня саму делали его частью. Зеркала нет, да и оно мне не сильно – то нужно. То, как нелепо я сейчас выгляжу, я вполне могу представить. И вновь сапоги удивили меня – такой удобной обуви у меня в жизни не было. Плотно прилегая к ноге, словно сшитые по моим меркам, они были мягче домашних тапочек, а привязанная к подошве кора (до сих пор хихикаю, когда смотрю на нее), гнется лучше кроссовок. Да в моем мире этот парень сколотил бы целое состояние на продаже своей обуви.

Я вышла из домика, и на меня хлынуло летнее, солнечное утро. Было прохладно, но не холодно. Солнце, еще толком не проснувшееся, грело сонно, вполсилы. Через пару часов оно разойдется и начнет припекать, но сейчас было очень комфортно. Влад окинул меня взглядом, кивнул и сказал, что теперь намного лучше. Что ж, я была абсолютно с ним согласна.

Мы вооружились корзинками и отправились в лес. Он шел впереди, я – за ним. Надо сказать, что для человека, не выезжавшего дальше пригородной дачи в тридцати километрах от города, густой девственный лес казался необычайно красивой и жутко выматывающей полосой препятствий. С самого начала Влад задал совершенно непосильный для меня темп, но, услышав мое хриплое, тяжелое дыхание за своей спиной, сжалился, что-то бурча о том, что с такой скоростью двигаются лишь улитки-пенсионеры. Я не смогла возразить, так как еле дышала. Ноги мои ныли от перенапряжения, и я была уверена, что завтра не смогу подняться с кровати. Кроме того, повсюду – сверху, снизу, по бокам, сзади и спереди, в общем, куда ни глянь, лес кишел всевозможной живностью, самых невообразимых форм и расцветок – пауками с крыльями, огромными стрекозами с тремя хвостами, какими-то ярко-розовыми мухами, которые издавали жуткие хрюкающие звуки, когда подлетали к тебе. Было ощущение, что они принимают и в случае чего могут запросто тяпнуть. Все это приводило меня в ужас, периодически сотрясая от отвращения. Сколько я себя помню, даже обычный домашний таракан приводил меня в замешательство, неизменно сменяющееся паникой, а тут комары размером с крысу охотились за двуглавыми змеями и в панике разлетались при виде какого-то милого, пушистого зверька, напоминающего кролика. Страшно представить, что на самом деле собой пред-

ставляет этот зверь. Героическими усилиями я заставляла себя молча скидывать падающих на меня букашек и отгонять от лица летающую мерзость. К моему огромному удивлению, спустя полчаса я перестала кривиться от омерзения, а еще через час вообще перестала их замечать.

Влад уверенно продирался сквозь лесную чащу, ловко огибая деревья, пробираясь сквозь заросли кустарников, попутно складывая в корзинку какие-то травы, цветы и ветки деревьев, а потому спустя час похода его корзинка была наполовину заполнена, а моя – девственно пуста. Было очевидно, что лес он знает прекрасно, ориентируется с закрытыми глазами и знает каждую травинку. Я же узнавала лишь высоченные сосны и ели высотой с девятиэтажный дом. Их верхушки уходили далеко вверх, где сплетались в причудливый навес, дырявый потолок из плотно переплетённой листвы, сквозь которую падали прозрачные столбы яркого летнего солнца. В тени деревьев было прохладно. Иногда мы выходили к полянам, покрытым то цветами, то просто ковром зеленой травы. Мы быстро проходили их и снова погружались в лесную тень. Здесь кипела жизнь. Птицы, насекомые, мелкие звери – все пищало, свистело и переливалось миллионами звуков. Сопровожаемые этой музыкой, мы все дальше углублялись в лесную чащу, где ароматы были то густыми, как мед, то легкими, еле уловимыми и тонкими, словно кружево. Перемешиваемые легким ветром, они сливались в невероятную, абсолютно неповторимую симфонию. Мелодию запаха такую прекрасную, кружащую голову, пьянящую, то громыхая маршевыми аккордами, то пронзительно и нежно плача скрипкой. И я шла, слушая музыку леса. Она вела меня. В голове не было ни единой мысли. Наверное, поэтому я не сразу сообразила, что среди кустов за дальним стволом огромной сосны прятался человек. Совсем маленький. Он робко выглядывал из-за дерева, боясь быть обнаруженным. И судя по тому, что роста в нем было немногим больше метра, я поняла, что он совсем еще ребенок.

– Влад, по-моему, там кто-то есть, – сказала я, кивая в сторону маленького шпиона. – По-моему он совсем еще маленький. Чей-то ребенок?

Влад кинул на меня неодобрительный взгляд так, как кидают камень в приставшую дворнягу. Я ответила ему взглядом, говорящим: «Не на меня смотри, а туда, куда я показываю». Он посмотрел.

– Где?

– Да вон там. За ближайшей сосной. Видишь? Вот за той. Да, да. Прячется.

Влад нахмурил брови и, вглядываясь, пробурчал.

– Я никого не вижу.

Но все же пошел в том направлении, быстро и бесшумно. Прямо таки ниндзя-лесничий.

– Никуда не уходи. Жди меня здесь, – сказал он и скрылся из виду.

Человечек за деревом тоже исчез. Я осталась одна. Щебетанье птиц, стрекот сверчков и огромный бескрайний лес окружили меня, и стало жутковато. Без Влада лес перестал быть сказочно-прекрасным, солнечным и приветливым. Он стал бесконечным, необъятным и оттого жутко опасным. Сразу вспомнился огромный волк и, само собой, в голове, как назойливые мухи, завибрировали мысли о том, что таких волков здесь великое множество. И уж совсем не утешала мысль, что если уж волки тут размером с медведя, тогда какие здесь медведи...

– Зачем я только тебя послушался... – прозвучало сзади знакомое ворчание. – Знал же, что там никого нет и быть не может, – он вышел из кустов за моей спиной. Весь в репейнике, с царапиной на щеке и настроении явно худшем, чем пять минут назад. – Все вокруг облазил. Нет там никого. И не было.

– Я сама видела. Маленький, ростом с ребенка.

Испепеляющий взгляд, сжатые в тонкую полоску губы и недовольное бурчание. Ладно, не в моих интересах настаивать. Может, и правда показалось? Да нет же! Точно видела! Как можно перепутать видел ты человека или нет? Можно перепутать одного человека с другим при определенном сходстве, но видел человека или нет – не перепутаешь. Да и Бог с ним. Навер-

няка, ребенок чей-то. Сами по себе маленькие дети по лесу не ходят. Значит, деревня по близости все-таки есть. За этими мыслями я не заметила, как мы пришли на место.

Это была огромная поляна. Здесь было щедро разлито солнце, потому что деревья лишь обрамляли ее по краям, не закрывая собою свет. Вся поляна сплошь была покрыта плотным, густым кустарником, на котором густо, словно украшения на новогодней елке, росли ягоды малины. Крупная, спелая она была как нарисованная. Ни единой плохой ягодки, ни одной переспевшей или недозрелой. Отборная, спелая ягода, которая сама просилась, чтобы ее съели. Рот наполнился слюной, едва легкий, сладкий, такой знакомый аромат малины, пробивающийся сквозь запахи лесной зелени, коснулся носа. Подбежав к первому же кусту, я сорвала одну ягоду и закинула в рот. Пьянящий аромат ударил в нос, сочная мякоть, сжатая языком, лопнула, заливая рот сладким соком. На вкус она была еще лучше, чем на вид. Господи, да что ж здесь все вкусное такое? От наслаждения я, в буквальном смысле слова, ничего не замечала, и лишь когда фейерверк вкуса и запаха растаял, я услышала, что Влад что-то громко кричит мне. Он подбежал ко мне и, запыхавшись, спросил.

– Успела съесть?

– Да... – сказала я, понимая, что, видимо, «села мимо стула».

Он помотал головой.

– Я же кричал тебе! Понеслась, словно тебе еж под хвост попал. Говорю же, стой.

– Господи, они что, отравленные? – говорю я, чувствуя, как краска сходит с моего лица. –

Я умру?

– А вот теперь-то она забеспокоилась!

– Надо вызвать рвоту...

– Не надо! – спохватился он – Этого мне не хватало.

– Ты позволишь мне умереть, лишь бы не...

– Да не умрешь ты, сумасшедшая, успокойся! Они не ядовитые, – сказал он, непонятно для чего, повязывая на моем запястье крепкую веревку. – В следующий раз прежде, чем что-то есть, спрашивай, – последнее слово он подчеркнул интонацией рассерженного учителя.

– Это еще зачем?

– Не отвязывай!

– Зачем веревка?

– Не хочу потом по деревьям лазить.

– Ничего не понимаю.

Но он лишь недовольно закатил глаза и, развернувшись, побрел в заросли, где кусты росли особенно плотно.

– Так что это за ягоды?

Но Влад лишь молча собирал ягоды в корзинку. Разговаривать со мной ему не хотелось.

– Зачем ты собираешь их, раз они вредные?

– Да не вредные они! Наоборот очень полезные. Просто есть сразу же, как сорвал нельзя. Нужно подождать. Им полежать нужно хотя бы сутки.

Но тут я перестала слушать его, потому что пятки мои оторвались от земли. В самом прямом смысле этих слов. Странное ощущение легкости, словно внутри меня надувают воздушный шар, заполняло все мое тело. Ноги взмыли в воздух, таща за собой все остальное.

– Влад, что со мной?

Теперь он повернулся ко мне и с нескрываемым удовольствием смотрел, как я, барахтая ногами и руками, пытаюсь зацепиться за что-нибудь, кроме воздуха. Очевидно, выглядело это на редкость забавно, потому что теперь он смеялся искренне и самозабвенно.

– Чего ты ржешь? Сделай же что-нибудь!

– Я уже сделал все, что мог, – сказал он, давась от смеха.

Тут веревка на моем запястье натянулась, остановив меня примерно в трех метрах от земли. Вдоволь нахохотавшись, он утер слезы с красного от натуги лица, и спокойно поплелся сквозь малиновые кусты, таща меня за собой, как огромный воздушный шар. Он собирал ягоды, а я парила над землей, подхватываемая легкими дуновениями ветра, все еще тщетно пытаюсь обрести равновесие и сохранить остатки былой гордости, что довольно сложно, учитывая, что мои ноги парили выше затылка. И как только страх оказаться где-то в стратосфере улегся, я начала злиться:

– Почему не предупредил?

– Я предупредил.

– Надо было раньше говорить. Или кричать громче.

– Или просто помнить, что я сказал – от меня ни на шаг.

Сказать мне было нечего, но внутри все кипело и что-то все-таки сказать хотелось:

– Вот, кстати, «сумасшедшая» было лишним.

– Если ты ведешь себя, как сумасшедшая, то не лишнее.

– Ты – хам и невоспитанный тип.

Он ехидно улыбнулся:

– Ну, тогда найди кого-то повоспитаннее. Отпустить тебя, чтобы лучше видно было?

– Не надо.

На этом наш разговор закончился. Он собирал ягоды, а я все это время гордо реяла над его головой, подхватываемая попутным ветром. Иногда мой не по годам наглый провожатый поворачивался в мою сторону, и тогда я делала гордый вид и пыталась отвернуться, отчего меня начинало крутить вокруг собственной оси, и моя разобиженная физиономия мелькала в общем круговороте меня. Но каждый раз оказывалось, что смотрит он не на меня, а противоположный конец поля, видимо прикидывая, сколько потребуется времени. Мое выражение лица, равно как и самочувствие, его не заботило.

Наконец, потратив час и наполнив вторую корзину доверху, мы отправились в обратный путь.

– Когда этот идиотизм закончится?

– Ну, мне кажется, что девчонки в твоём возрасте уже должны набраться кое-какого ума.

Потерпи пару лет, может ты...

– Я про действие ягод!

– А... К завтрашнему утру должно пройти.

Повисев немного, я, не побоюсь этого слова, взвесила наш разговор, и, как ни прискорбно было это признавать, он был прав. Находясь, во всех смыслах этого слова, в подвешенном состоянии, я решила, что будет лучше найти общий язык:

– Ты что, все это время жил совсем один?

– Да.

– Давно ты тут живешь?

– Давно.

– Как ты тут оказался? Я в том смысле, у тебя же должны быть родители?

Но он промолчал. И теперь я вполне обоснованно сама себя назвала дурой (правда, не вслух). Если несовершеннолетний мальчишка живет один в лесу и уже давно привык полагаться только на себя, значит, ничего хорошего с его родителями не случилось. Мне стало стыдно за свою твердолобость настолько, что я густо покраснела. Слава Богу, он на меня не смотрел.

Наконец, мы вышли к дому, и только теперь я увидела, как же прекрасно это место. Может, смотрела не под тем углом? Маленький деревянный дом стоял на небольшой полянке, с трех сторон окруженный плотной стеной леса, а с четвертой отгорожен от мира огромной скалой. Он стоял прямо у подножья, но не совсем вплотную, а так, что между стеной и домом

было расстояние, позволявшее вместиť в себя небольшой огород, который был аккуратно и с учетом экономии места засажен ровными грядками. Закатное солнце косо падало, отдельными прядями пробиваясь сквозь густую листву исполинских деревьев. Было тихо и безветренно, и лишь шепот травы под ногами Влада нарушал молчание.

– Я надеюсь, ты не привяжешь меня на ночь к дереву?

– С удовольствием бы, да боюсь, к утру Фос оставит от тебя один летающий скелет.

– Фос – это тот волк? – я решила, на всякий случай, уточнить.

– Фос не волк.

– А кто же?

– Фос – это Фос.

– Ну, теперь стало понятно.

Не знаю уж специально или нет, но затаскивая меня в дом, Влад пару раз стукнул меня лбом об косяк, потом о дверь, и напоследок я трижды приложила затылком об потолок. На потолке у меня зародились сомнения, что это случайно, но вслух я лишь ойкнула. Потирая ушибленную голову, я спросила.

– А что значит «Фос»? Это какое-то...

– Слушай, – резко оборвал он меня – Я за сегодня столько слов выдал, сколько за год не выговариваю. Давай просто молча поужинаем и ляжем спать.

– А как я спать то буду? – спросила я, слегка опешив от его усталого и резкого тона.

Влад поднял голову, глядя как я подпираю собой потолок, затем достал вторую веревку. Он притянул меня к кровати и стал привязывать. Правда, толку от этой затеи оказалось немного, потому что это было все равно, что привязывать дирижабль к ножке стула, поэтому, как только он примотал мои ноги, кровать, тяжелая и на первый взгляд абсолютно неподъемная, медленно оторвала две ножки от пола и со скрипом начала подниматься в воздух. Влад быстро спохватился и одним быстрым движением освободил кровать от меня. Окрылившаяся было мебель со скрипом и громким глухим стуком грохнулась на положенное место, сотрясая собой весь домик, а я снова причалила к потолку.

– Ну, – подытожил Влад. – Видимо придется тебе потерпеть одну ночь.

– Ты серьезно?

Он утвердительно кивнул.

– И что, совсем-совсем никаких вариантов?

Он отрицательно помотал головой и принялся накрывать на стол к ужину. Сначала я подумала, что это такой способ меня проучить – изощренная месть за мое непослушание. Но, глядя на то, как он беззаботно ставит чайник на плитку и достает хлеб, я поняла, что он не шутит и не издевается. На его лице не было ни тени улыбки или самодовольного выражения типа «я же тебе говорил». Просто усталость. А значит, висеть мне здесь всю ночь. Я разозлилась. Я была уставшей, грязной и голодной и, вдобавок ко всему прочему, от всячего положения у меня ужасно затекла шея. Ох, как хотелось закатить истерику! Устроить невиданный скандал, а если бы удалось дотянуться до чего-нибудь, так еще и кинуть в этого наглого сопляка что-то тяжелое или с острыми углами. Ну или хотя бы отвесить подзатыльника этой зазнайке за неспособность посочувствовать. Да вот хотя бы даже обидеться! И пусть ему станет стыдно за... А вот за что ему должно быть стыдно, я придумать не могла. Он предупредил, я не послушала. Он милостиво привязал меня и сделал всю работу за нас двоих. Он даже попытался снова привязать меня к кровати, но и это не помогло. Стало еще обиднее, как только я поняла, что обижаться я могу только на себя. Но до чего же странно было видеть человека, адекватно реагирующего на человеческую глупость. Обычно, какой бы финт ты ни выкинула, всегда найдется человек, жалеющий тебя и сочувствующий твоей глупости. Всегда найдется добрая душа, которая обвинит вместе с тобой весь мир в твоих же ошибках. А он – нет. Виновата – получай, фашист, гранату. И тут меня осенило, что он просто не умеет этого. Никто не показал ему, что

так делают, что так поступают. Обычно это делают родители – жалеют, даже тогда, когда ты сам виноват. Он не делает этого, потому что никто не делал этого для него. Мне мгновенно стало стыдно за истерику, которую я так и не закатила. Стало неловко и неудобно за свои мысли, переполненные желанием потопать ножками. Я осознала, что мое появление в его жизни стало для него такой же неожиданностью, как и его – в моей. И, ко всему прочему, мы в одной лодке, так зачем нам грести в разные стороны?

– Что на ужин? – спросила я.

– Ягоды.

– Издеваешься?

– Да, – сказал он и улыбнулся. И я увидела то, чего не замечала весь этот день – парень довольно симпатичный. Он еще не совсем оформился во взрослого, но того, что было сейчас – форма губ, глаз, овал лица – было достаточно, чтобы с уверенностью сказать – из него выйдет красивый мужчина. Не сейчас, позже. И на секунду я даже пожалела, что не застаю этого.

Настаивать на ягодах он не стал и протянул мне кружку с чаем.

– Сильно не барахтайся, а то прольешь. На вот, держи, – сказал он вручая мне хлеб и сыр. – Варенье не дам.

– Больно надо... – сказала я с уже набитым ртом.

Он уселся на единственный стул и задумчиво уставился на горящий в печи огонь. А мне, несмотря на все неудобства, в одно мгновение стало тепло и уютно. Вот так – раз и все. Мы молчали. Нам обоим было над чем подумать, что переварить, к чему привыкнуть, из чего сделать выводы. Хотим мы того или нет, но нам придется найти общий язык. Но это будет завтра, а сейчас – ночь, треск горящих поленьев и чай. Главное в этот момент не задавать вопросов, какими бы важными они тебе ни казались. Нельзя пугать волшебство, которое вот так внезапно обрушивается на вас. Молчать тоже нужно уметь. На самом деле это великое искусство – молчать так, чтобы другому было комфортно рядом. И когда моя кружка опустела, а бутерброд закончился, я зевнула и поняла, что не просто засну, а вырублюсь, даже вися под потолком.

С ужином было покончено. Влад протянул мне одеяло. Я обернулась им, как большая летучая мышь. Он потушил огонь. Я заснула мгновенно.

Посреди ночи нас разбудил оглушительный грохот – это закончилась магия ягод. Маленький паршивец не потрудился предупредить меня, что заканчивается она резко, в одно мгновение. Я обрушилась, больно ударившись пузом об пол, несмотря на то, что Влад услужливо постелил что-то мягкое на место моей планируемой посадки. Побубнив немного о невоспитанности и бессердечности, я крепко заснула на этом «чем-то».

Следующим утром Влад проснулся в хорошем настроении, хотя сильно старался этого не показывать. Но ехидную улыбочку и хитрый прищур во взгляде не могли скрыть ни хмурые брови, ни надутые губы. Он поинтересовался, как прошла посадка, и в очередной раз предложил злополучных ягод. Я вкратце высказала все, что думаю о нем и его ягодах. Он ослепительно улыбнулся и захохотал. Но, несмотря на утреннюю порцию ехидства, и мое настроение уверенно ползло вверх, потому что я снова чувствовала все свои пятьдесят пять кило и ни граммом меньше.

После завтрака мы снова пошли в лес. Влад много рассказывал мне о лесе, да и вообще был расположен поболтать. Мы весь день провели в лесу. Он рассказывал о травах, ягодах (будь они не ладны), грибах, деревьях, и оказалось, что свойства здешних растений он воспринимал так же спокойно, как мы относимся к тому, что ромашка обеззараживает. Ему казалось вполне естественным, что от некоторых грибов можно стать ярко-синим, а одна из трав, на вид больше напоминающая обычный подорожник, напрочь отшибает обоняние на несколько дней. Но были и полезные растения. Оказалось с помощью местной флоры можно не только обрести невесомость, но и видеть ночью так же хорошо как днем, временно становиться невероятно сильным или невидимым, лечить раны. А где-то высоко в горах есть цветок, поворачи-

чивающий время вспять, правда эффект длится недолго и после этого весь следующий день безумно болит голова. Я не стала ему рассказывать, что у нас такие «цветы» продаются в каждом вино-водочном. Кстати, от головной боли тоже есть цветочек.

Все это Влад рассказывал с таким неподдельным интересом, что и слушать было интересно. Он весьма поднаторел в вопросах ботаники, и по блеску в глазах я видела, как ему нравится придумывать, сочинять необычные сочетания свойств разных трав. Это вдохновляло его, превращая в очень милого сумасшедшего ученого, неподдельно, со всей искренностью, желающего подчинить себе природу. Мы то и дело останавливались у какого-нибудь невзрачного кустика, и он принимался объяснять мне, как правильно собирать, сушить и варить эти серо-зеленые листочки, и что корешки у него не менее полезны, чем вершки. При этом руки его летали, наглядно показывая то, чего словами не объяснить, глаза горели, а дыхание учащалось, словно речь шла не о растении, а, как минимум, о мировом господстве или о чем-то столь же вкусном, как шоколад. Иногда я ловила себя на том, что невольно улыбаюсь, глядя на его фанатизм, в хорошем смысле этого слова.

Мы так увлеклись беседой, что не сразу заметили, что день подошел к концу. Глядя на заходящий диск солнца Влад озадаченно сказал.

– Давай поторопимся. Нужно вернуться до захода, а то встретимся нос к носу с Фосом.

– Он выходит только ночью?

– Да, но... Иногда он уходит задолго до рассвета, а иногда может просидеть у твоих дверей до завтрака. Да, днем его не увидишь, но ранним утром и поздним вечером можно. Очень редко, но все же можно. К тому же ночью он гораздо сильнее.

На Фоса мы не наткнулись, хотя домой нас провожали глубокие сумерки. Влад ругал себя за неосторожность. Я, как могла, пыталась уверить его в том, что ничего страшного не произошло, а значит, не из-за чего расстраиваться. Но он упрямо хмурил брови, надувал губы. В общем, все как обычно.

В этот вечер за ужином мы много разговаривали. Мы смеялись, и я не раз ловила себя на том, что люблю его улыбкой, смеющимися глазами и раскованными, ничего не боящимися и не стесненными ничем движениями. Очень красивый парень из него выйдет. Да и толковый. Он не был смазлив, но было в нем что-то, что делало его обаятельным. Может, форма губ, а может, овал лица или этот хитрый, немного лукавый взгляд. Он все еще был по-мальчишески неловок, но уже так отчетливо проскальзывало в нем истинно-мужское спокойствие и самоуверенность. Плавность, неспешность движений, гордо поднятый подбородок и вызывающе-спокойный тон разговора. Все это мимолетно проявлялось в нем, как легкая изморозь на окнах в преддверии настоящих заморозков – еще совсем слабая, еле уловимая, но уже видна.

Этот вечер был совершенно не похож на вчерашний – приятный, мягкий, словно зефирка, он окутал нас невидимым одеялом, согрел и дал возможность тихо посекретничать, и, возможно, даже подружиться. Он рассказывал о своих приключениях, о том, как на собственной шкуре изучал свойства местной флоры. Я смеялась так, как не смеялась уже очень давно. Он гримасничал, махал руками и подражал разным звукам, коверкая их на свой манер. В этот вечер мы заснули далеко за полночь уставшими, но счастливыми.

Проходили дни, и мы все больше и больше привыкали друг к другу. Почти все время мы проводили в лесу. Я уже привыкла к его скорости и почти всегда успевала за ним, хотя все еще часто задыхалась там, где у него даже не сбивалось дыхание. А еще он показал мне свой огород. Я была восхищена тем, какой там царил порядок. Признаюсь, в моей комнате не всегда так чисто, как у него на грядках. Словно вымеренные по линейке, каждая грядка параллельна другой, ни одного, даже самого крошечного сорняка, а все, что растет, выглядит как нарисованное – веточка к веточке, ягодка к ягодке. Даже земля лежит в каком-то удивительном порядке. Какой-то рай садовода-перфекциониста. Я, как истинная неряха, почувствовала себя

неуютно, и, видимо заметив это, он поспешил сказать, что не допустит меня и на полметра к своему садику. Я спорить не стала.

Мы успели побывать в горах, правда, невысоко и ради таких походов мы вставали очень рано. Я заметила, что зверей в лесу, особенно крупных, практически нет, да и мелкие, вроде лис и барсуков, встречались редко. Влад говорит, что Фос пугает живность. Зато птиц было предостаточно. И встречались такие, от которых даже у самых мужественных содрогнулось бы нутро. Одна из таких напугала меня до полусмерти. Мы как раз выходили к очередной поляне, когда на меня из-за кустов вылезли огромные глаза, размером с блюдце, каждое. Они пристально смотрели на меня и ползли прямо мне на встречу. Я завизжала так сильно, что чуть легкие не порвала. Влад был в паре шагов, но обернулся и кинулся ко мне, готовый защищать меня как минимум от разъяренного медведя, но увидев, что меня так напугало, залился смехом. Очевидно, напугавшись визга и смеха, глаза обзавелись небольшими крылышками, и они молниеносно взмыли в воздух. Меня откровенно потряхивало от пережитого, а Влад, когда успокоился, рассказал, что это совершенно безобидная птичка, которая боится абсолютно всего, что ей попадается. В этот момент я отчетливо поняла, что в этом лесу мне одной делать нечего, потому что если что-нибудь не съест меня, то оставит зайкой на всю оставшуюся жизнь.

Я наконец-то научилась справляться с самыми простыми поручениями Влада, в основном связанными с уборкой, мытьем посуды и прочими делами, не требующими особого ума и таланта. Но иногда он разрешал мне помогать ему, варить зелья и лекарственные отвары, и вот в эти моменты его гений разворачивался в нем на полную мощь, словно джин, выпущенный из бутылки. Это была невероятная феерия запахов, звуков и вспышек, над которой возвышался взъерошенный мальчишка с горящими от восторга глазами, безостановочно бормочущий что-то на совершенно непонятном мне языке, чьи руки не останавливались ни на секунду, создавая бешеный вихрь из банок, появляющихся из ниоткуда, кулечков, крошечных холщевых мешочков и букетов засушенных трав, содержимое которых то по очереди, то все разом отправлялись в горшок, кипящий на огне. В общем, выглядело это как классическая сцена из мультфильмов про Бабу-Ягу, только вместо отвратительной, заросшей бородавками старухи, был молодой, симпатичный мальчишка.

Иногда, когда заклинания были несложными, а зелья состояли из двух, максимум трех безопасных компонентов, он разрешал мне присоединиться к нему, и вот тогда это становилось весельем. Мы хором распевали волшебные слова, стараясь петь в унисон, но всегда голоса на разный мотив, скача по домику, как пара сумасшедших, а жидкость, бурлящая в горшке, искрилась, бурлила, взрывалась, осыпаясь на наши головы разноцветными искрами. Мы смеялись, а потом пили чай и много болтали. Влад перестал воспринимать меня как нечто чужеродное и часто улыбался. Он больше не хмурил брови, даже тогда, когда я делала что-то откровенно глупое. Он просто качал головой, говорил, что я – балда, и переделывал все, как следовало. Я, в свою очередь, перестала обижаться на его едкие замечания и обидные словечки в мой адрес, потому как поняла – с ним это не работает. Обижаться на него было все равно, что не разговаривать со стеной. Он просто не понимал и не воспринимал этот процесс. Теперь он все больше напоминал четырнадцатилетнего подростка, нежели, запуганного до состояния взрослого ребенка. Меня это радовало, потому что мне казалось, что это моя заслуга.

Так, незаметно для нас обоих, прошла неделя.

По моим расчетам сегодня была пятница. День стремительно подошел к концу, подмигнув нам в окошко последним лучом заходящего солнца. За целый день мы не присели ни разу. Влад водил меня к чудесному водопаду, где мы смотрели, как стайка мелких рыб летала по воздуху, словно колибри. Они кружили в воздухе, зависая на одном месте, чтобы потом внезапно оказаться совсем в другом. Их крылья–плавники двигались так быстро, что их невозможно

было разглядеть. Водопад был далеко и, чтобы вернуться засветло, нам пришлось шагать весь день.

Наконец, зайдя в дом, мы повалились на пол, от усталости не чувствуя ног. Но, передохнув считанные минуты, Влад подскочил как ни в чем ни бывало и принялся за ужин. Я же не могла даже бровью шевельнуть, ни говоря уже о том, чтобы съязвить что-нибудь остроумное насчет того, что у кого-то слишком много энергии. А уж о том, чтобы помочь, и речи не было.

Он усадил меня за стол, поставил перед носом тарелку с чем-то очень вкусно пахнущим, но совершенно непонятным на вид. Мы поели. Ко мне вернулись силы, и уже за чаем я ожила. Мы наперебой рассказывали друг другу, что нам понравилось больше всего, и каждый из нас спешил рассказать другому то, что ему казалось особенно важным. Разговор лился рекой, мы никак не могли наговориться. Словно дамбу прорвало, и обрушился шквал слов, эмоций и радости, переполняющей, не дающей покоя.

– А ты видела самую большую рыбу?

– Та, что в центре? Конечно!

– Она всегда сияет ярче всех.

– А отчего они так сверкают?

– Все дело в чешуе, она у них особой формы. Я как-то поймал одну. Нет, нет, ты не подумай, я сразу же отпустил, но прежде рассмотрел. Чешуйки словно граненые, а внутри вода. Не знаю, как, но это преломляет свет и разбивает его на разные цвета.

За окном стемнело, а Влад все говорил. Даже удивительно, что за все это время он не потрудился найти себе друга. Такой болтун! У меня самой силы уже закончились, и я лишь слушала, как изрядно уставший, но счастливый Влад тихо разговаривал то ли со мной, то ли с самим собой. Я смотрела на горящий в печи огонь и чувствовала, как его тепло разливается по комнате, грея наши голые пятки и счастливые лица. Все мое тело ломило от усталости, но с каждым глотком душистого, сладкого, крепкого чая усталость отступала, оставляя во всем теле приятную легкость, правда, в отличие от ягод, крепко прижимающую тебя к земле. Я тайком поглядывала на Влада. Его загорелое лицо, прищуренные глаза и легкая улыбка на губах делали его похожим на сытого, довольного жизнью кота. Такой молодой, совсем еще мальчишка, но уже такой приспособившийся.

– Чего косишься? – спросил он ленивым, сонным голосом.

– Постричься бы тебе.

Волосы, выгоревшие, спутанные уже сильно отросли и падали на лоб, почти закрывая глаза. Он убрал их рукой.

– И так сойдет.

– А откуда ты знаешь обо всех травах? Как узнал их свойства?

– Как, как... Опытным путем.

– Ты что, все пробовал на себе?

– Ну не все на себе, но большую часть.

– Ты с ума сошел? Наверняка есть ядовитые растения.

– Есть, конечно. Говорю же, я не все пробовал на себе, – сказал он, довольный тем, что сумел меня шокировать. – Обычное наблюдение и не более. Хотя, признаюсь, попался на ту же удочку, что и ты.

Я повернулась и посмотрела на него. Он улыбался.

– Так ты тоже ел эти ягоды?

– Да.

Он улыбнулся еще шире и, вроде бы, слегка покраснел. Я не выдержала и захихикала, я через секунду мы хихикали оба.

– Ну, – проговорила я, давясь хохотом. – И как это было?

– Как, как? Меня-то некому было привязать. Иду, значит, ем эти, чертовы ягоды, и чувствую, как задница поднялась выше головы. Ну, и трухнул тогда, скажу я тебе.

Теперь мы оба хохотали в голос.

– Далеко улетел?

– Улетел бы, да вовремя схватился за ветку.

– Долго висел?

– Два дня.

Мы хохотали, буквально надрываясь от смеха, и только когда наши лица по форме и цвету стали напоминать зад орангутана, мы, задыхаясь и утирая слезы, начали успокаиваться. Приступ смеха окончательно обессилил нас, но я все еще периодически сотрясалась в тихом хохоте, представляя себе, болтающего над головой ногами Влада, ругающегося на чем свет стоит.

Наконец мы оба замолчали, глядя на то, как догорают в печи последние угли. Я уже собиралась подняться со стула и идти спать, как Влад тихо заговорил:

– Знаешь, провисев там двое суток, я окончательно понял, что я здесь абсолютно один, – сказал он так тихо и спокойно, что мне стало не по себе. – Небо было чистым, и я прекрасно все видел. На многие километры, сколько хватало глаз, никого. Ни одной живой души. Поэтому я так удивился, когда встретил тебя.

Я смотрела на него, не понимая, почему не могу выдавить из себя ни словечка. Все нужные слова, как тараканы, разбежались по разным углам, лишь междометья сиротливо жались друг к другу и тряслись. В голове звенела тишина, которая не давала мне сосредоточиться и собрать мысли в слова, слова в предложения, и наконец, сказать уже хоть что-нибудь. А потом нахлынула куча вопросов, которые я так и не осмелилась задать, вроде «Как ты вообще сюда попал?» и «Где твои родители?», но я, естественно, не задам их и в этот раз. И тут, сама не успев понять, как это произошло, я выпалила:

– Ну, теперь нас двое, верно?

Он криво ухмыльнулся, а потом поднял на меня глаза и спросил:

– Надолго?

Я не находила слов, но знала, что выражение лица у меня сейчас жалкое. Откуда мне знать? Что вообще может сказать человек, понятия не имеющий, как он попал сюда и чьими силами? И тут он прочитал мои мысли:

– Как ты оказалась здесь? Откуда пришла?

Я открыла рот, как рыба, выброшенная на берег. Ну что я ему скажу? Что он живет в сказке и вообще, вполне возможно, является плодом моего воображения или частью прекрасного, но, как и все остальные, недолговечного сна? Я здесь так счастлива, что теперь уже не уверена, какая из реальностей настоящая. Почему-то, вспомнился урок по философии, где преподаватель говорила, что истин всегда, как минимум, две. Так может ли быть, что обе эти реальности и есть две моих истины? Ведь сейчас прошлая жизнь для меня не менее призрачна, чем сон, тающий с первым взмахом ресниц. И тут, непонятно откуда взявшиеся, с моего языка слетели слова.

– Я всегда была тут.

Господи, что я несу? Откуда вообще это взялось? Бред какой...

– Знаешь, мне тоже так кажется! – он оживился, словно я угадала, словно попала в точку, прочитав самое сокровенное, озвучив то, что он сам боялся сказать. Вот так поворот. Я не знала, что сказать, а он заговорил так быстро, что я поняла – он чему-то очень обрадовался. Знать бы – чему? – Такое ощущение, что ты всегда была рядом, но незаметно, как облако или тень. А сейчас ты словно обрела тело, словно...

Он умоляюще смотрел на меня, ожидая, что я найду нужные слова, скажу то, что вертится у него на языке. Глаза его кричали: «Умоляю, скажи, что я не сошел с ума! Что не свихнулся

от одиночества, и ты понимаешь, о чем я говорю!» Но мне нечего было сказать. Не знала я, что за слово вертелось на кончике его языка. Я вообще не понимала, что происходит и лишь молча смотрела на него глазами умной, все понимающей, курицы. И тут он окончательно выбивает у меня почву из-под ног:

– Скажи, что не бросишь меня! – он, сам того не замечая, повысил голос, почти крича. Он отвернулся от меня и, глядя на догорающий огонь, повторил уже тише, но с какой-то отчаянной требовательностью. – Пообещай, что не бросишь меня. Что не исчезнешь так же внезапно, как появилась. Просто скажи, что ты останешься со мной и не дашь мне сойти с ума. Скажи, что не оставишь меня здесь одного...

У меня ком встал в горле. Он переводил взгляд с огня на свои руки, с рук на стену, со стены на пол и снова упирался глазами в огонь. Он боялся посмотреть на меня. Он желал бы сейчас провалиться сквозь землю, отмотать время назад и никогда не сказать того, что сказал, потому что мое молчание заставляет его чувствовать себя жалким, трусливым, беспомощным. Он в отчаянии замотал головой, не веря тому, что действительно все это сказал вслух. Он с силой тер руками лицо. А я все молчала, глядя на его муки. Мне очень, очень хотелось сказать ему то, что он хочет от меня услышать. Но как я могу? Я не знаю, где я, не знаю, как меня сюда занесло и чьими стараниями, не знаю, сколько пробуду здесь. Как я могу ручаться за будущее? Даже если захочу, даже если из кожи вон вылезу, что мешает тому, кто отправил меня сюда, взять да посадить меня на следующей остановке? И тут, взбешенная своей нерешительностью, я решаю – пусть будет так, и говорю:

– Конечно, я останусь.

Он посмотрел на меня и не поверил ни единому слову. Он ухмыльнулся:

– Ничего ты не можешь. Ничего не знаешь...

– Могу. Захочу – и смогу. Все на свете смогу, если захочу. И останусь с тобой. Не знаю – как, но мы с тобой не расстанемся, слышишь?

Он смотрит на меня и, всем сердцем, хочет верить. Пытается, заставляет голову поверить ушам. Он кивает и отводит глаза. А мое сердце колотится, руки вспотели, а в горле самая настоящая пустыня. Я пытаюсь привести в порядок мысли и чувства, но это не так-то просто. Я поворачиваюсь к окну, и тут же мерзкий холодок пробегает по спине.

– Влад... – прошептала я. – Там за окном...

– Что там? – спрашивает Влад, поднимаясь и вглядываясь в ночь за окном.

При свете луны огромная, густо поросшая длинной шерстью фигура, ясно выделяется на фоне ночной мглы. Огромные треугольные уши, толстая шея, широкая, крепкая грудь и невероятно мощные лапы, впивающиеся когтями в землю. Он сидит, не шевелясь. И я не знаю – почему, но абсолютно уверена, что его блестящие, как два чернильных пятна, глаза смотрят прямо на меня.

– Он не тронет нас, – говорит Влад, и по его голосу я услышала, что ему не страшно. Странно, но больше похоже на то, что он злился. – В дом ему не зайти.

– С чего такая уверенность? Откуда ты знаешь?

– Просто знаю и все. Не бойся. Здесь ты в безопасности. К тому же, я с тобой.

– Ну точно...

– Не веришь, что я могу тебя защитить?

– Как тогда в лесу?

Он смущенно отвел глаза. Язык мой – враг мой.

– Ладно, мой рыцарь, давай спать, – сказала я, стараясь говорить нарочито беззаботно. Получалось из рук вон плохо, потому что сердце по-прежнему лихо отплясывало.

Убрав со стола посуду, я сложила ее в ушат и, старательно отмывая, поглядывала на мальчишку. Сейчас это слово, как нельзя лучше подходило ему. Озадаченный, немного растерянный он был смущен и зол. Он злился на себя, не понимая, что мы оба находились в одинаковой

ситуации – каждый пытался дать другому то, что дать не мог – я не спасу его от одиночества, он не сможет меня защитить от зверя. Но в отличие от меня, он не знал никакого другого поведения, кроме своего собственного, и это незнакомое ощущение, от которого тошно и немеет душа в ожидании чего-то неприятного, но неотвратимого, неизбежного, для него было ново. Это как видеть летящую на тебя лавину и понимать, что тебе уже не убежать, и остается лишь смиренно наблюдать, как она несется на тебя, сметая все на своем пути. Это то, что имеется ложью, и мне она была прекрасно знакома. Не буду строить из себя святую – с обеих сторон. Думаю, вранье человек чувствует интуитивно, даже не будучи знаком с ним, не зная, как это зовется и для чего делается. Просто мы с ним реагируем на него по-разному. Это как два человека, которых сбрасывает лошадь, но один просто летит вниз, даже не успевая удивиться, а другой уже сгруппировался, приготовившись к болезненному падению. Хотя, может, я ошибаюсь.

Ночью, несмотря на усталость, мы оба долго не могли заснуть. Я лежала не кровати и смотрела, как мерцают холодные звезды, рассыпанные по черному ночному небу. Крохотный осколок луны светил мне в лицо, и я убеждала себя, что именно она виновата в моей бессоннице. На самом же деле я слушала дыхание Влада и ждала, когда оно станет глубоким и спокойным. Но он не спал. Лежал он на полу и каждый раз, когда он тихонько переворачивался на другой бок, старые доски скрипели так, словно на них танцевал слон.

– Влад... – шепнула я.

– Чего?

– А есть такая трава, ну или ягода, от которой начинаешь кудахтать, как курица. Ну, или покрываешься отвратительными бородавками. Или, к примеру...

– Есть растение, которое делает тебя немым на целую неделю. Хочешь дам?

– Ну и зануда ты, скажу я тебе. Даже разговаривать с тобой не хочется...

– Вот и отлично.

Мы оба замолчали, но, как ни странно, через пять минут я заснула.

А Влад не спал. Всю ночь ему не давала покоя мысль о том, как сильно вырос Фос. Из волчонка, размером не больше овчарки, он вымахал в огромного зверя, выше самого Влада. И всего лишь за последнюю неделю.

Влада сморило ближе к рассвету.

Утром мы собрались за шишками.

– А они тоже обладают какими-то необычными свойствами?

Я сидела на кровати и болтала ногами, заплетая свои темно-каштановые волосы в косу, и смотрела, как не всыпавшийся, и оттого еще более косматый, Влад ползал по комнате, собираясь в дорогу.

– Да, – ответил он сонно.

– Какими?

– Орехи вкусные.

– И все?

– А этого мало?

– Нет. Просто я думала, что все, что здесь растет, имеет полезные свойства.

– Вкус, вроде как, тоже – полезное свойство.

– Какой же ты редкостный зануда. Я имею в виду что-то действительно интересное, необычное. Например, как те ягоды.

– Если бы все в этом лесу обладало такими же свойствами, как те ягоды, по этому лесу ходить было бы невозможно. Наступил на травку и вырос у тебя хвост, вдохнул пыльцу с какого-нибудь цветка – и глаза поменялись местами с ушами. Так и шагу не ступить.

– А что, есть и такое?

– Ты о чем именно?

– Ну, чтобы глаза с ушами...

– Нет, – он залез под кровать, пытаясь что-то разыскать там, но как видно, безуспешно. – Но, думаю, зелье такое сварить можно.

Я представила себе, как выглядел бы тот несчастный, кому это зелье довелось бы употребить. Жутковато.

– Здесь где-нибудь растут красивые цветы?

– На востоке.

– Далеко.

– Нет, – сказал Влад, вылезая из-под кровати.

– Тогда давай, пока ты собираешься, я быстренько туда сбегую?

– Нет.

– Ну, пожалуйста.

– Память у тебя короткая. Забыла уже, как на потолке спала?

– Забудешь такое...

Наконец, он собрался. Оглядев комнату, он пытался понять, отчего ему кажется, что он что-то забыл? Бессонная ночь плохо сказалась на нем – под глазами залегли темные круги, сами глаза красные, ну и, конечно же, брови намертво приросли друг к другу на переносице.

– Вроде бы все, – сказал он. – Пошли.

– Давай зайдем на ту полянку?

Он тяжело вздохнул:

– Ты, как маленькая, честное слово.

– Просто настроение хорошее... – сказала я, нарочито надув губы. Он в очередной раз этого не заметил. – Мы и так всю неделю занимаемся только делами. Можно же хоть немного отвлечься?

– Ладно, идем.

Мы вышли из дома и отправились на восток. Полянка оказалась совсем близко. Сонная муха по имени Владислав еле передвигала ноги позади меня, и это было удивительно, поскольку обычно я плелась в хвосте. Настроение мое значительно улучшилось, когда поняла, что сегодня командовать парадом буду я. Но на всякий случай я аккуратно спросила.

– Может, не пойдем сегодня никуда? Ну их, эти шишки. Посмотри на себя.

Но он лишь молча плелся позади меня, раздраемый зевотой. Я поняла, что сегодня будет очень молчаливый день. Да и Бог с ним. Погода чудесная, солнышко светит, птички поют, а больше ничего и не нужно.

Поляна была чудесной. Еще до того, как мы ее увидели, мой нос учуял ее. И когда перед нами раскинулась великолепная равнина, пестрящая самыми невообразимыми красками, я лишь тихонько взвизгнула от восторга. Были и скромные цветы, похожие на ромашки и колокольчики, но встречались и роскошные кусты, с цветами, похожими одновременно на розы и калы. Были и такие, которые я не смогу описать, потому что это просто невозможно.

– Как же здесь красиво, Владик.

Его скривило от уменьшительно-ласкательного окончания, внезапно появившегося в его имени, но он героически стерпел это.

– Все цветы можно трогать?

– Вон те, маленькие. Да, да. Те ярко-синие. Их не трогай.

– А что они делают?

– Усыпляют. Правда, только если их высушить и растереть в порошок, но на всякий случай... Да что ж за утро такое?

Я оглянулась и увидела, как Влад выворачивает сумку наизнанку, выгребая из нее все содержимое.

– Что случилось?

– Я же брал его... – рассерженно бормотал он под нос. – Точно помню, что брал...

– Потерял что-то?

– Забыл, а не потерял. Нож. Был уверен, что что-то забыл. Так и оказалось. Надо возвращаться, без него мы никуда не пойдем.

– Ты иди, а я тебя здесь подожду. Как раз букет нарву. Ты вернешься и...

– Нет. Ты идешь со мной.

– Влад, ну пожалуйста.

– Это не обсуждается. Пошли.

– Ну что со мной может тут произойти?

– Пойдем, – он начинал злиться.

Я подошла к нему, но вместо того, чтобы послушно пойти за ним, остановила его и взяла за руку. Я увидела, как румянец залил его щеки. Меня это удивило, и очень польстило моему самолюбию.

– Послушай, ничего страшного со мной за эти десять минут не произойдет. Фоса рядом нет. Ты меня предупредил – я запомнила. Маленькие, синие не трогать, верно? – он кивнул, не смея поднять на меня глаза. – Ну, вот и славно. Ты не будешь стоять у меня над душой, да и сам без меня справишься быстрее.

Он выдернул руку и, наконец, посмотрел на меня. Щеки его все еще горели, и ему явно не нравилась моя улыбка. Вероятно, он просто захотел оправиться от морального потрясения наедине с самим собой, поэтому он быстро, но максимально сурово, проговорил.

– Никуда не уходи. Я мигом.

Я кивнула, и он скрылся за деревьями. Еще с минуту я слушала, как шелестит под его ногами трава. Потом все стихло, и я осталась совсем одна. Не торопясь, я шла по поляне, собирая в букет прекрасные, удивительные ни на что не похожие ароматы. Как парфюмер, создающий шедевр, я была увлечена созданием чего-то неповторимого, старательно подбирая ингредиенты, не забывая обходить стороной небольшие кустики синих цветов. Срывая один цветок за другим, я уходила все дальше в центр поляны, утопая в зарослях и собственных мыслях. А думала я о том, что, похоже, мой юный рыцарь немного, самую малость, влюблен в меня. Мысли мои, легкие, воздушные, словно облака, заставляли меня улыбаться, как девочку. Хорошо, что он этого не видит. И что же мне с его влюбленностью делать? Да ничего и не делать. Тем более, что сделать я ничего и не смогу. Влюбленность – штука такая – она не спрашивает тебя, чего ты хочешь, она просто приходит. Хоть он и был лет на пять младше меня, и понятно, что еще сущий мальчишка, но это, что уж тут говорить, безумно льстило мне. Все эти мысли настолько увлекли меня, что я абсолютно не замечала, что в нескольких шагах от меня за мной следит пара глаз, поэтому все, что произошло дальше, стало для меня полной неожиданностью.

С громким лаем из зарослей цветов и травы на меня выскочил небольшой пес. Подбежав ко мне, он начал лаять еще громче, нарезая круги вокруг моих ног. От неожиданности я замерла на месте, не смея даже дышать, но немного прядя в себя, я увидела виляющий хвост и поняла, что пес настроен дружелюбно. Он прыгал, скулил и повизгивал, а потом снова принимался звонко лаять. Он поднялся на задние лапы и, оперевшись передними в мои колени, тяжело дыша, уставил на меня свои огромные, черные, блестящие глаза. Его маленький хвост до того усердно метался из стороны в сторону, что неистово таскал за собой крошечный зад, из-за чего короткономому псу было трудно держать равновесие. На его морде явно читалось хорошее настроение, доброе любопытство и вполне себе мирные намерения. По крайней мере, мне так показалось. Я осторожно протянула руку, и он ткнулся холодным, мокрым носом в мою ладонь. Хвост его завилял еще сильнее, грозясь оторваться от хозяина.

– Тише, тише... Какой ты жизнерадостный, прям сил нет. Где твой хозяин?

Слава Богу, пес ничего не ответил мне. Говорящие животные сейчас были бы перебором. Я опустилась на колени, и пес кинулся облизывать мое лицо. Было щекотно и очень мокро. Я засмеялась, пес посчитал это одобрением и устроил свои старания. Он был очень похож на бассет-хаунда, с той лишь разницей, что был абсолютно белым, с каким-то невероятным серебряным отливом.

– Откуда ты такой взялся? – спросила я, проведя рукой по его спине, глядя, как искрятся под рукой белые волоски короткой шерсти. – Ну ладно тебе. Успокойся, а то тебя на радостях удар хватит.

Говоря это, я никак не думала, что сказанное действительно сбудется, тем более, так скоро. Бедный пес внезапно захромал, да так сильно, что чуть не повалился на бок. Я подхватила его и подтянула к себе. Он дергал хромой лапой, которая еще секунду назад исправно служила ему, тяжело дышал и жалобно скулил.

– Что с тобой?

Но он лишь продолжал скулить.

– Что случилось? Только что же было все нормально?!

Он жалобно смотрел на меня.

– Это из-за того, что я сказала? Я что... наколдовала что-то?

Вдали зашелестела трава.

– Это Влад! – сказала я псу, как будто это должно было ему о чем-то сказать. – Он поможет! Он умеет!

Шаги стали громче и быстрее. А тем временем пес угасал прямо на глазах. Жизнь, как вода сквозь решето, вытекала из него. Тело его обессилило, и он уже с трудом мог шевелиться. Он открывал пасть, но вместо звонкого лая слышалось лишь хриплое, прерывистое дыхание. Я запаниковала, а слезы сами по себе навернулись на глаза.

– Влад! – закричала я. – Я здесь! Скорее беги сюда! Мне нужна помощь, срочно!

Шелест травы стал быстрее. Влад услышал меня и заторопился. Пес уже еле дышал. Он уронил голову мне на колени и лишь смотрел на меня уже почти безжизненными, но полными боли и отчаянья, глазами. Заглянув в них, я разрыдалась. Слезы текли по щекам, и я уже не сдерживала своей истерики.

– Влад, ну скорее же! – закричала я. – Прости меня, я сама не знала, что так выйдет. Я не хотела, я просто ляпнула, а получилось... Влад! Ну, где ты там?

Шелест травы был уже совсем близко. Тут я подняла голову и поняла, что это не Влад. Надо мной выросли две огромные фигуры. Двое мужчин, с ног до головы одетые в черное, да так, что открытыми оставались лишь равнодушные, сосредоточенные, полупрозрачные глаза, смотрящие на пса, лежащего на моих коленях. Внутри у меня похолодело. И не только потому, что, судя по всему, это была их собака, не из-за черного одеяния, больше напоминавшего костюм ниндзя, а из-за глаз. Пристально, не выражая абсолютно никаких эмоций, они вонзились в меня и то, что они увидели, не удивило, не разозлило и даже не расстроило этих двоих. Их взгляд просто констатировал факт – вот девушка, у нее на руках при смерти наша собака. Все. И вот от этого мороз прошел по моей коже, а в горле встал тугой комок. Я открыла было рот, чтобы хоть как-то объяснить происходящее, но тут произошло невероятное – я почувствовала, как пес стал очень легким, его тело буквально перестало весить. Я опустила на него глаза и увидела, как он стал почти прозрачным, словно маленькое белое облачко, и только огромные черные глаза, по-прежнему смотрели на меня. Но через секунду и они начали терять очертания, превращаясь в размытые тени. Собака шумно вздохнула, а в следующее мгновение рассыпалась на миллиард блестящих крупинок, которые обсыпали мои руки и тут же растворились в воздухе, словно их и не было никогда. Я не верила собственным глазам. Еще секунду назад у меня на руках лежал живой пес из плоти и крови, а теперь от него не осталось ничего, и теперь уже даже я сомневалась, был ли он на самом деле.

Я подняла заплаканное лицо на мужчин и в который раз ужаснулась ледяному безмолвию в их глазах.

– Простите меня, – лепетала я еле слышно. – Я не хотела. Я не знала, что так получится. Мужчины переглянулись. Я же все пыталась объяснить произошедшее:

– Я сама не понимаю, что произошло. Я...

Внезапно один из них, тот, что стоял справа, резким, отточенным движением, крепко схватил меня за руку и поднял на ноги. Я даже пискнуть не успела, как второй так же резко, без каких-либо колебаний и со сноровкой человека, проделывающего это не в первый раз, схватил меня за талию и легко, словно куклу, закинул меня на свое плечо. Они молча зашагали в неизвестном направлении. От удара о каменное плечо у меня потемнело перед глазами и перехватило дыхание. Перед тем, как потерять сознание, я подумала, что опять умудрилась попасть в переделку. Как же рассердится Влад...

Глава 2. Похищение

Очнулась я от того, что кто-то брызнул мне в лицо холодной водой. Я открыла глаза. Надо мной склонилась полная, темноволосая женщина в темно-зеленом платье. Лицо ее было добрым, красивым и что-то совершенно неуловимое делало его очень притягательным. На вид ей было чуть за сорок, у нее была фарфоровая кожа и густые, блестящие волосы насыщенного темного, почти черного, цвета, заплетённые в сложную, красивую прическу. Темно-карие глаза, аккуратный, слегка вздернутый, нос и искренняя, приветливая улыбка.

– Ну как ты, милая? – я попыталась было открыть рот, но не успела произнести и буквы, как женщина заговорила вновь. – Ты в безопасности. Здесь тебе ничего не угрожает. Не беспокойся, я за тобой поухаживаю. – сказала она, подмигнув мне, и каким-то магическим образом одно это легкое, еле уловимое движение заставило меня улыбнуться ей в ответ. Она тоже улыбнулась и продолжила. – Я подумала, что ты захочешь переодеться в НОРМАЛЬНУЮ одежду и принесла тебе кое-что симпатичное. А еще есть чай и безумно вкусные булочки. Еще горячие, между прочим.

– Подождите, подождите... – спросила я тихо. – Где я? – и приподнялась на локтях.

– Тихо, не торопись. Ты только глаза открыла, а уже куда-то понеслась. Может, хочешь водички? – я отрицательно помотала головой. – Сейчас подам. – она протянула мне стакан. – Вот, моя хорошая, держи.

Пить мне не хотелось совершенно, но судя по всему, женщину это мало интересовало. Пришлось сделать пару глотков. – Ну вот и умница. Есть хочешь?

– Спасибо, нет. – сказала я максимально четко, дабы быть уверенной, что меня услышат.

– Ну не хочешь сейчас, захочешь потом. Не будем уносить булочки. Они никогда лишними не бывают. – я начинала понимать, что она была из тех женщин, которые все способны перевернуть так, как было нужно им и чей напор не уступает в эффективности асфальтовому катку. – Этим бабуинам, с кучей навоза между ушей, нужно голову с задницей поменять. Я думаю, так им легче думать будет. Надо же было! Так девчонку приложить, что та в сознание добрый час прийти не могла. Ну не волнуйся, Графу я все расскажу. Он им быстро объяснит... – она все говорила и говорила. Слова летели пулеметной очередью, но я не понимала и половины из того, что она говорит. Что за бабуины и кто такой этот Граф? И чем больше она говорила, тем сильнее я запутывалась. Единственное, что я уже прекрасно понимала, так это то, что переговорить эту женщину можно лишь в случае острого словесного поноса. В ее речи удивительным образом перемешивались ласковые слова и ругательства, и зачастую я не понимала – злится она или проявляет нежность. Но поскольку она довольно часто улыбалась, хихикала и кокетничала, я предположила, что бояться ее не стоит. Голос у нее был нежный, негромкий, и, наверное, поэтому бесконечный поток слов не раздражал, а, скорее, успокаивал и завораживал, словно журчание воды.

Я уже почти пришла в себя, и как только туман в моей голове окончательно рассеялся, я сразу подумала о Владе. Ох и попадет же мне от него! Воспользовавшись секундной паузой моей новой знакомой, я быстро и достаточно громко спросила, где я нахожусь.

– Ты в замке, моя дорогая. Ну, где же тебе еще быть? Здесь на многие километры нет ни одной живой души. Ну кроме зверья всякого, естественно. Но даже их тут довольно мало, знаешь ли... Мы все очень удивились, когда стражники наткнулись на тебя. – она поднялась с кровати, на которой я лежала, дав мне возможность наконец-то сесть. Она снова зашла в безостановочной речи, а я оглянулась. Честно говоря, когда те "двое из ларца" схватили меня, я толком испугаться-то не успела, но где-то на задворках разума появилось понимание, что ничем хорошим это не может закончиться, и была подсознательно готова к любому исходу – темное подземелье, кишашее крысами, высохший колодец с мерзкими скользкими

жабами, ну или, на худой конец, тюрьма, доверху забитая отпетыми мерзавцами. Но то, что предстало моему взору, удивило даже мое, богатое на фантазии, воображение. Огромная комната, посреди которой стояла громоздкая кровать, на которой лежала я, была настолько розовой, насколько это вообще возможно. Создавалось ощущение, что та же пятилетняя девчонка, что шила одежду для Влада, подрабатывала дизайнером интерьера в этом замке.

– Боже ты мой... – прошептала я.

Розовый никогда не был моим любимым цветом, но боюсь, после увиденного я не смогу смотреть на него еще очень и очень долго. Розовым во всех возможных его вариациях было все, начиная от потолка и заканчивая маленькими, аккуратными ручками небольшого комода. Светло-розовый, темно-розовый, насыщенно-ядовитый и пороссячий, нежно-розовый. От такого обилия и разнообразия у меня зарябило в глазах и свело скулы.

– Нравится? – расплылась в счастливой улыбке женщина. Она уже несла поднос с двумя чашками чая и огромной горой булочек. – Я знала, что тебе придется по душе эта комната. Я сама выбирала. Такая красота, просто нет слов.

– Это точно... – я подняла голову вверх и увидела тяжелый бархатный балдахин, увесистыми складками свисавший откуда-то сверху, перевязанный лентами и толстыми веревками, естественно, розового цвета. Огромные окна заливали солнцем комнату, а высоченные потолки уходили так высоко, что прятались в собственном мраке, делая это безумие безграничным.

– Я настояла на том, чтобы тебя уложили именно сюда. Очень уж хотелось произвести на тебя хорошее впечатление.

– У Вас получилось.

– Ну, слава Богу. Я боялась, что будет недостаточно... нежно, что ли.

– Нежнее уже просто некуда...

Помимо буйства розового, все было еще и до предела девчачьим. Рюши, банты, ленты, сердечки и ангелочки были везде, где можно и где нельзя.

– Хватит любоваться. Вся эта красота теперь в твоём распоряжении, так что насмотришься еще. Давай перекусим. Вот чай. Он очень бодрит и придает сил. Они тебе, знаешь ли, понадобятся, милая, ведь с Графом иногда очень непросто найти общий язык. Но я уверена – ты справишься. Немного терпения и...

– Подождите, подождите... Кто такой Граф, и почему я должна с ним общаться?

Женщина поставила передо мной поднос, и до меня донесся аромат выпечки и свежего крепкого чая. Она ловко орудовала кружками, блюдцами и крошечными серебряными ложечками: – Граф – хозяин этого замка, ну и по совместительству правитель этих земель. Он приказал, как только ты проснешься, привести тебя к нему.

«Приказал», «привести»? Отлично! Беседа обещает быть занимательной. В лучших традициях сталинских репрессий. Женщина буквально впихнула мне в руки красивую чашку из тонкого фарфора, которая согрела руки, и наполнила нос дурманящими ароматами трав и ягод. И я вспомнила Влада. Не того, что не по годам взрослый и самостоятельный, а того, что до чертиков напуган своим собственным одиночеством. Того, который просил не бросать его.

Я вернула кружку на поднос и поднялась с кровати.

– Послушайте, я Вам очень благодарна за заботу, но Вашим бабуинам передайте, пожалуйста, что воровать людей нехорошо. Графу объясните, что меня сюда притащили насильно, и поэтому вместо того, чтобы встречаться с ним я, пожалуй, вернусь туда, откуда меня забрали, потому что там меня ждет мой друг, который меня уже, наверное, обыскался. Он волнуется и, возможно, уже не находит себе места. Он там совсем один. Напуган. Я должна вернуться к нему.

Женщина очень внимательно слушала меня, но, чем дольше я говорила, тем серьезнее становилось ее лицо. А затем, нахмурившись, спросила, где мой друг живет.

– Я не знаю. Я совершенно здесь не ориентируюсь, я ведь не отсюда, я... В общем, я из других мест. Кроме того, я понятия не имею, как далеко меня унесли Ваши ручные болваны. От той поляны, где они схватили меня, до нашего дома пять минут ходу. – сказав это, я немного смутилась от слова "нашего". Оно так естественно и непринужденно вылетело из меня, что я поняла – это стало правдой. За неделю с небольшим эта деревянная лачуга, которую с первого взгляда и домом то не назовешь, стала ДОМОМ, а Влад – родным. Как же быстро становишься близкими людьми, если вам суждено ими стать.

– Подожди, ты хочешь сказать, что у Вас неподалеку дом? – женщина была явно удивлена. Она смотрела на меня так, словно я только что опровергла все известные законы физики. Меня это смутило, но потом я подумала, что Влад тоже ничего не знал ни о каких замках, поэтому неудивительно, что никто здесь не знает о нем. Неизвестно как, но ни Влад, ни обитатели замка ничего не знают друг о друге.

– Думаю, не очень далеко отсюда. Если бы знать, как долго они тащили меня сюда.

– Ну, вот это как раз несложно. Охранники эти вышли около десяти утра. Я точно знаю, потому что видела их выходящих из дворца. Я как раз резала зелень в саду. А вернулись... – она мучительно закусила губу, пытаясь вспомнить время как можно точнее. – Где-то около... Да, да. Двенадцать. Я еще подумала, что слишком уж быстро... Погоди, милая. Я абсолютно уверена, что это невозможно. Они, конечно, быстрые, но не настолько. Если только... Нет, нет, этого не может быть.

– Чего не может быть?

– Они вернулись быстро, значит, были совсем рядом. Где-то поблизости.

– Ну и что в этом невозможного?

– Родная, – она посмотрела на меня с каким-то странным удивлением, словно я пытаюсь убедить ее, что плоская земля покоится на трех китах. – Ближайшая от нас деревня в трех днях пути. Я эти места знаю очень хорошо и уверяю тебя, что на добрую сотню километров никто не живет.

– Значит, вы ошибаетесь. Не можете же вы знать каждый квадратный метр наизусть. – я замолчала, задумавшись. – Он, в общем-то, и не в деревне живет, а один. Совсем один. В самой чаще леса, может, поэтому вы ничего о нем не знаете. Рядом с огромной скалой. Он ведь тоже живет в полной уверенности, что...

– Зайка, погоди минуточку. – то, с какой интонацией она говорила, заставило меня замолчать. Я посмотрела на ее серьезное лицо. – Дело не в том, насколько хорошо мы знаем окрестности, а в том, что жить тут никто не может. В принципе.

Она не шутила и больше не улыбалась. Я чувствовала, как начинаю злиться. Мало того, что меня наглым образом выкрали и приволокли в какой-то замок, черт его дери, так ведь еще никто не спросил, а вообще, в эту ли мне сторону. Никто ничего не объясняет, никто не говорит, что я тут делаю, так теперь еще и пытаются сделать из меня чокнутую, рассказывая мне, что всю неделю я жила в несуществующем доме с несуществующим человеком. Видимо, все мои мысли очень хорошо читались на моем лице, потому что женщина, сменив недоумение на решительность, заговорила со мной не как с полоумной, а как с человеком, который по совершенно глупому недоразумению пропустил какую-то важную деталь.

– Не злись, просто выслушай меня. – сказала она усаживая меня обратно на кровать. Я нехотя подчинилась. – Я нисколько не сомневаюсь в том, что ты в своем уме, и если ты действительно кого-то встретила в лесу, значит, так и было. Странно, конечно, но... допустим. Я вот к чему веду. Граф – очень могущественный волшебник, а у нас поблизости обитает очень опасный зверь и чтобы не подвергать опасности людей, случайно оказавшихся в этих лесах, он заколдовал все вокруг на ближайшие сто километров. Может, даже и больше. Не подумай ничего дурного – с человеком, забредшим в эти края, ничего страшного не случится, просто он, сам того не желая, будет сбиваться с намеченного курса и все время выходить из огороженной

заклинанием территории. Не знаю, что уж там за заклятье, да мне, в общем-то, и все равно, но жить здесь нельзя потому, что куда бы ты ни пошел, лес сам выведет тебя прочь, подальше от этих мест. Именно поэтому мы так удивились, когда охрана принесла тебя во дворец. Тебя там просто не могло быть.

Она замолчала, глядя на меня огромными карими глазами, пытаюсь угадать, дошел ли до меня смысл сказанного. Или, если говорить проще, поверила ли я ей. Не знаю почему, но я поверила, хотя всем своим видом пыталась показать обратное, опять же не знаю – для чего. Все-таки многое не состыковывалось, а если говорить честно, то я практически ничего не знала ни об этих местах, ни об этих людях, поэтому и состыковывать было нечего. Но одно я знала наверняка – мне эта неделя не привиделась.

– Что ж, значит, Ваш Граф – не такой уж великий волшебник, как вы думаете.

– Ох, милая, ты, главное, при нем этого не скажи...

– Ничего, рискну. Заклинание его не работает. И, кстати, я видела этого зверя так же близко, как вижу Вас.

Она всплеснула руками и закрыла ими открывшийся в испуге рот. Я бы подумала, что она просто ломает комедию, если бы краска не сошла с ее лица. Она еле слышно прошептала.

– Как же ты...

– Как выжила?

Она кивнула, все еще не веря собственным ушам.

– Несуществующий парень, живущий в несуществующем доме в чаще леса, спас меня.

Она открыла рот и собиралась что-то сказать, но тут в дверь постучали. Женщина очень быстро собралась, понимая, что сейчас нет времени на пустое причитание. Она шепотом сказала мне.

– Это, должно быть, Косой. Ты мне все обязательно расскажешь, но позже. – сказала она, а затем громко крикнула. – Заходи.

Дверь открылась, и в комнату зашел очень странный человек. Правильнее было бы сказать, не зашел, а прохромал, так как одна нога у него была сильно короче другой. У него был очень мощный, но короткий торс, а непропорционально длинные руки свисали почти до самых колен, жидкие светлые волосы на слишком большой голове, лоб был слишком выпуклым, а подбородок, наоборот, практически отсутствовал. Он нес вешалку, на которой колыхалось платье, очевидно, предназначавшееся мне. Он молча прошел мимо нас, и я увидела, как сильно искривлен его позвоночник, напоминая букву "S", из-за чего его тело сильно кренилось вправо. Тот, кого называли Косым, положил платье на противоположный край кровати.

– Спасибо, дорогой. Приходи через часик. Думаю, мы уже будем готовы.

Он молча кивнул, и вышел из комнаты, так ни разу и не взглянув на меня, но все же я заметила, что спокойные серые глаза не были косыми. Как только за ним закрылась дверь, женщина все тем же заговорщическим шепотом, заговорила.

– Это Косой. Он очень хороший парень.

Я кивнула, все еще находясь под впечатлением. Хороший – так хороший. Ей виднее. Лично у меня осталось очень неприятное впечатление. И дело было не столько в его внешности. Хотя что уж тут врать? Дело было именно во внешности. Так над ним поиздевалась матушка-природа, что на него жалко было смотреть. Жалко и неприятно. Весь его внешний вид отталкивал настолько, что ты уже и не вспоминал о его угрюмой молчаливости и отсутствии элементарной вежливости.

– Он же вроде не косой вовсе?

– Нет, – мотнула головой женщина – совершенно не косой.

– Тогда почему Косой?

– Потому что косина – пожалуй, единственное, чего у него нет. Поэтому и Косой.

Абсолютно логично!

– А как его зовут на самом деле?

– Понятия не имею, да и никто, наверное, не знает. – она поднялась, обошла кровать и бережно взяла в руки платье, придирчиво рассматривая его. – Но он не из обидчивых и спокойно реагирует на Косого.

Я окончательно запуталась в здешней логике, но потом решила, что и разбираться особенно не хочу. Не мое это дело. Я поднялась с кровати.

– Где у Вас тут выход?

Женщина посмотрела на меня, потом аккуратно отложила платье в сторону. Она подошла ко мне и взяла меня за руки. Ее руки были мягкими и теплыми, а от нее самой чувствовался легкий, еле уловимый запах ванили. Она долго смотрела на меня, пытаясь понять, что происходит в моей голове, пытаясь почувствовать, что чувствую я, пытаясь хоть как-то пробить мою оборону, обаять меня, не понимая, что давно это сделала. В этой женщине было столько тепла и непринужденной легкости, что она светила изнутри. Она очаровывала с первых секунд. Но! Это никак не отменяло того факта, что Влад где-то там ищет меня. Я буду очень рада рассказать ему, что он не один, что совсем недалеко есть такая милая, прелестная женщина. Я думаю, что даже не столь прелестный и милый Косой будет замечательной новостью для человека, отчаявшегося найти хоть кого-то поблизости. Мне очень хотелось ему обо всем этом рассказать, мне очень хотелось обрадовать его. Но тут женщина озвучила то, что вертелось где-то на задворках моего сознания.

– Ну, куда ты пойдешь? Ты ведь даже не знаешь, куда идти. Не знаешь, где ты сейчас и в какой стороне ваш дом. Не знаешь, но собираешься идти? Куда?

– Понятия не имею, но пойду. Мне нужно вернуться.

– Упрямая! – сказала она, в сердцах сжав мои руки. – Ты не найдешь его! Поверь мне, там никого и быть не может.

– Послушайте...

– Ирма.

– Что, простите?

– Зовут меня Ирма.

– Очень приятно, меня Лера зовут.

– Лера... – она нежно повторила мое имя. – Такое светлое, сильное имя. – сказала она улыбаясь, и повторила снова. – Лера. Послушай, Лерочка...

– Лера. Просто Лера.

– Ну, хорошо, хорошо. Лера. Охрана не выпустит тебя из замка. Это приказ Графа.

Закипела я мгновенно.

– Да как он смеет!? Кто он, собственно, такой? Сначала похитил, теперь еще и приказы отдает...

Тут Ирма неожиданно обрадовалась, и, широко улыбаясь, сказала.

– Вот у него и спроси!

От неожиданной реакции и еще более неожиданного предложения, я, надо заметить, замешкалась, и как-то растеряла весь свой боевой пыл. Я нахмурилась и задумалась. В конце концов, получалось, что встречи с этим самым Графом мне не избежать. Что ж, тогда не будем оттягивать сей момент.

– Ладно. – пробурчала я. – Куда идти?

– Милая, в таком виде – никуда!

Она обняла меня за плечи и с нежной непринужденностью танка Т-90, потянула меня к маленькой розовой двери, находящейся напротив входной. Эта оказалась до неприличия огромная ванная комната, всем своим видом показывающая, что именно на ней зиждется существование всего сущего на земле. Пышная, яркая, броская, заставленная всевозможными банными удобствами и напичканная всеми мыслимыми и не мыслимыми бутылками, кре-

мами, порошками в различной таре, она скорее напоминала небольшой бальный зал, в центре которого, по неведомым стечениям обстоятельств, расположилась огромная ванна размером с маленький бассейн, какого бы вы думали цвета? Совершенно верно!

Как бы я ни настаивала на том, что мыться буду самостоятельно, на Ирму это произвело тот же эффект, что и тогда, когда я отказалась от стакана воды. То есть – никакого. Бесконечными мне показались те полчаса, когда она с отчаянным рвением намыливала меня, смывала и снова намыливала. Затем в ход пошли какие-то порошки, сменившие друг друга бессчётное количество раз. Все это время Ирма без остановки говорила, не замолкая ни на секунду. И вот, когда мне начало казаться, что это не закончится никогда, банные процедуры, наконец, завершились. Судя по всему, Ирма поймала восходящую волну, так как потраченные на меня силы и время нисколько не утомили ее, а, скорее наоборот, раззадорили. Я, заметно посвежевшая и немного воспарявшая духом, обрадовала ее, как удачное полотно своего художника. В творческом порыве, со всей страстью вдохновленного творца, она еще полчаса одевала меня и укладывала волосы. И лишь когда все недочеты были исправлены и последние штрихи доработаны, она придирчивым взглядом окинула свое творение с головы до ног. Довольная своим результатом, она выволокла на середину комнаты огромное зеркало в тяжелой раме.

Надо сказать, результат поразил даже меня. Из зеркала на меня смотрела стройная молодая девушка в темно-изумрудном шелковом платье. Несмотря на то, что шея, руки и ноги до самых пят были закрыты, я отнюдь не выглядела как монашка на исповеди. Я выглядела как строгая, знающая себе цену дама, с хорошими вкусом и манерами. Я выглядела как королева. Волосы были собраны в невероятно сложный, но безумно красивый пучок. Но больше всего меня удивило то, что мои темно-каштановые волосы приобрели глубокий красноватый оттенок, который подчеркивал нежно-розовый оттенок кожи и карие глаза. Брови и ресницы вроде как стали темнее.

– Боже мой, Ирма... Как вы это сделали? Вы что, тоже колдунья?

– Нет, милая, я женщина. – она засмеялась, явно довольная моей реакцией. – Женщине, чтобы сотворить чудо, иногда достаточно просто куска мыла.

– И четыре тысячи разных порошков.

В дверь постучали.

– Вот и Косой. Заходи! Мы готовы.

Дверь открылась. Косой молча стоял в коридоре, даже не думая проходить в комнату.

– Он отведет тебя к Графу, моя хорошая. Ступай.

Напоследок она еще раз внимательно оглядела меня и, поправив складки моего платья, добавила: – Ты, главное, запомни, что Граф – не такой мрачный, каким хочет казаться. – она поправила выбившуюся прядь. – Старайся меньше говорить и больше слушать. Это очень важное качество для женщины (которое Ирма так и не сумела обнаружить в себе).

Я кивнула и поблагодарила ее. Она улыбнулась такой очаровательной улыбкой, что мне стало немного теплее.

– Ну, иди.

Я вышла в коридор. Косой молча ждал меня, не выказывая никаких признаков раздражения по поводу наших дамских сантиментов и долгих прощаний. Он казался целиком погруженным в собственные мысли, и мое появление рядом с ним не произвело на него ровным счетом никакого впечатления. Я же всем своим видом старалась изобразить вежливую приветливость, всячески скрывая свое отвращение к этому человеку. Очевидно, выглядело это так, словно меня мучает запор, но я стесняюсь спросить, где туалет. Подняв на меня глаза, он спросил, можем ли мы идти. Я кивнула. Он попросил следовать за ним, что я и сделала.

Практически сразу я напрочь потерялась, и если бы не сопровождающий, никогда в жизни не смогла бы ни дойти до места назначения, ни вернуться обратно. Длинная цепь коридоров петляла, периодически раздваиваясь, сменяясь еще более запутанной цепью точно таких

же, совершенно похожих один на другой, коридоров. Один коридор был абсолютно таким же, как предыдущий, и одному Богу известно, как Косой тут ориентировался. Кстати, во всем остальном замке не было и намека на пошлый розовый. Наоборот, все было благородного, глубокого гранатового цвета. Светильники, испускающие тусклый, приглушенный свет, делали коридоры немного сумрачными, но в то же время какими-то уютными и успокаивающими. Под ногами мягкий, бархатный ковер полностью съедал звук шагов. Я подняла голову вверх и поняла, что не вижу потолка. То ли света было недостаточно, чтобы осветить высокий потолок, то ли стены уходили в никуда. Над головой был только мрак, и это создавало потрясающее ощущение бесконечности. По стенам тянулся сложный узор из золотых и черных линий, причудливо переплетающихся между собой в невероятно сложный узор. И тут мне показалось, что линии двигаются. Не знаю – почему, я протянула руку, провела по стене и чуть не вскрикнула от удивления – узор разбежался в разные стороны, словно круги на воде. Словно живой, он разошелся под моими пальцами, будто боясь меня, и как только я убрала руку, он снова заструился причудливыми линиями, то переплетаясь, разъединяясь, то становясь толще, то превращаясь в еле уловимую паутину. Рисунок двигался, словно живой. Иногда он рисовал самые настоящие картины, прекрасные, сложные и удивительные по своей красоте. Будто пытался удивить, заинтриговать меня. Как – будто живое существо красовалось передо мной, флиртуя, завораживая, как бы говоря – посмотри на меня, погляди, как я могу. И я смотрела.

Я потеряла счет тому, сколько коридоров мы прошли, сколько этажей миновали. Когда я уставала вертеть головой, я смотрела на идущего впереди меня Косого. Бедняга так заваливался на правый бок, что, казалось, вот-вот потеряет равновесие, но каким-то образом он ухитрялся не только не падать, но идти в довольно быстром темпе. Я несколько раз ловила себя на том, что не успевала за ним. Он ни разу не обернулся на меня, чтобы убедиться, что я по – прежнему иду за ним, не проронил ни слова, а лишь открывал и закрывал бесконечные двери, как две капли воды похожие одна на другую, поднимался по лестницам, петлял коридорами.

Наконец, мы пришли. Поднявшись на последний, самый верхний этаж, мы увидели небольшую, скромную деревянную дверь. Мы вошли, и я ахнула. Этаж вмещал в себя только огромный холл, также тускло освещенный сотнями неярких светильников, льющих нежный, приглушенный свет. Холл был настолько велик, что опытный пилот смог бы с легкостью посадить здесь небольшой самолет, а темнота вместо потолка делала его просто необъятным. Словно деревья в лесу, через равные промежутки стояли толстые колонны из красного камня, похожего на мрамор. Здесь царствовал тот же гранатово-красный, и тот же бархатный ковер под ногами создавал полную тишину, а причудливые черно-золотые узоры извивались, переливаясь под неярким светом. Где-то вдали, в противоположной от входа стене, виднелись огромные, тяжелые двери кабинета того самого Графа.

– Дальше Вам придется идти одной. – сказал Косой и, не дожидаясь моего ответа, скрылся за дверью.

Я глубоко вдохнула. Я осталась одна в бесконечно огромном месте, где тишина и ни единой живой души. Потолок, подразумевающийся где-то во тьме, мог и вовсе отсутствовать, и уходящие во мрак массивные колонны лишь подпитывали мою, больную на дурацкие мысли, фантазию. Идти совершенно не хотелось. Хотелось оказаться на поляне с моим Владом и слушать, как он оттачивает на мне свое остроумие, занудствует, да, черт возьми, пусть хоть просто сидит и молчит, но только рядом со мной. Лишь бы не быть такой крошечной и такой потерянной. Огромное помещение давило на меня своим величием, заставляя чувствовать себя муравьем. Но, стой тут хоть вечность, а необходимость встречаться с этим самым Графом сама собой не рассосется. И я пошла.

Огромное помещение должно было не просто отражать эхо, но и многократно усиливать его. На деле никаких звуков не было слышно вообще, наверное, поэтому из-за такого несоответствия ожидания с реальностью мне стало совсем уж не по себе. Может быть, это из-

за ковра, а может, и колдовство какое-нибудь, но я поймала себя на том, что даже дышу в пол силы. Полумрак и звенящая тишина окончательно взвинтили и без того разыгравшееся воображение, которое любезно предоставило мне на выбор миллион и один вариант жутких монстров, прячущихся в недрах этой комнаты. Я совершенно отчетливо представила, как из-за очередной колонны за моей спиной за мной наблюдает жуткая тварь со скользкой, бурой кожей, длинными когтями и огромной пастью, полной острых, как иглы, зубов. Кто знает, что живет в закоулках этого замка и кого держит в качестве питомца Граф вместо чихуа-хуа. На всякий случай, шаг я ускорила. Чем ближе я подходила к двери, тем сильнее сдавали нервы. В голову лезло все то, что обычно приходит, когда в три часа ночи ты все еще не спишь, и такие чрезвычайно важные вопросы, как «можно ли сплести веревку из собственных волос», «чем питается выхухоль» и «когда же, наконец, посадят яблони на Марсе». Ну и, естественно, совет Ирмы о том, что говорить нужно меньше, а слушать больше казался мне легко выполнимым, потому что сейчас я вообще не смогу рта раскрыть. Ну если только Граф не подкован в вопросах о выхухолях... В конце концов, Ирма сотворила из меня настоящую красотку. Думаю, не каждый день к нему в кабинет заявляется красивая, молодая, обаятельная девушка, которая всегда найдет, о чем помолчать.

В следующую секунду дверь, до которой мне оставалось шагов десять, с оглушающим грохотом распахнулась, и из нее вылетела женщина, чуть не сбив меня с ног. Я еле успела отскочить в сторону, когда она, ругаясь на чем свет стоит, пролетела в паре сантиметров от меня. Из ее слов самыми литературными были: "К черту эти твои предсказания! И тебя самого – туда же!" Тут женщина заметила меня. Резко остановившись, она развернулась и пригвоздила меня гневным взглядом, безо всякого стеснения разглядывая с ног до головы. Ну что ж, может Графу везет не каждый день, но сегодня ему посчастливилось крупно, и уж если сравнивать, то она – многомиллиардный выигрыш в Лас-Вегасе, а я – десять рублей в лотерее "Спортлото".

Она была в бешенстве, но даже это не затмевало ее поистине нечеловеческой красоты. Высокая и стройная, она была грациозна даже в ярости. Свет из открытых дверей четко очерчивал каждую линию тела, кричащего о своей женственности. Все, от изящных рук с тонкими, ювелирно выточенными пальцами, до тонкой талии, плавно переходящей в округлые бедра и стройные ноги, было создано захватывать дух, сбивать сердце с правильного ритма и будоражить самые тайные, самые сокровенные фантазии. Дышала она часто, нервно кусая губы от невысказанной злобы, которую не излить ни одним, самым грязным в мире, словом. Гнев делал ее высокие скулы белыми, длинные ресницы трепетали в негодовании, а тонкий точеный нос вдыхал и выдыхал прохладный воздух. Кожа и длинные, густые волосы были одного цвета – матово-белого, с серебряным отливом. Длинное черное платье, тонкое, словно паутина, струилось по изгибам. Несокрушимая уверенность в своем превосходстве светилось в ней, и исходила от нее волной, как аромат духов. Но самыми удивительными были ее глаза – радужка цвета серебра переливалась миллионами крошечных бриллиантов. Если на Вас никогда в жизни не смотрела женщина с алмазными глазами, знайте – это невозможно забыть, от этого, в прямом смысле, кружится голова. Это больше похоже на гипноз, чем на взгляд женщины, в привычном смысле этого слова. На какое-то мгновение я забыла, где я и что тут делаю. Но тут она заговорила, и ее голос, низкий, бархатный, с легким привкусом презрения и ледяной ненависти, зазвучал тихо, властно и от того невероятно притягательно.

– Так значит это ты – пленница? – спросила она.

Я судорожно пыталась найти ответ достойный, с юмором и в то же время не лишенный естественного обаяния и легкости.

– Ага. – ответила я.

Она не сказала больше ни слова. Видимо, мой исчерпывающий ответ ее вполне удовлетворил. Она лишь окинула меня снисходительным взглядом, словно откатила ведром ледяной воды и, повернувшись, скрылась во мраке.

Ее взгляд, ее злость, ее неземная красота и грация окончательно сбили меня с толку. Чего ждать от этой встречи мне, если ТАКАЯ женщина выходит из кабинета, ругаясь последними словами, злая, как тысяча чертей. На какую-то долю секунды я была уверена, что со словами «Да к едреней матери все это!», я сейчас же развернусь и пойду из этого замка куда глаза глядят. Лишенная звания красивейшей девушки сегодняшнего вечера, свергнутая с трона и морально раздавленная, я хотела только одного – быть как можно дальше отсюда.

Я в самых ярких красках представила себе этого Графа – преклонного возраста, взрослый, во всех смыслах этого слова, мужчина, для которого нет границ собственного величия и для которого красивая (да что уж там, головокружительная!) женщина, вроде той, что пулей вылетела отсюда, не имеет поблажек и снисхождения. На что же рассчитывать мне? Только на твою милость, Господи. Я повернулась, и со словами "десять рублей в спортлото, Ваш выход", зажмурилась и шагнула в квадрат света.

Первое, что бросалось в глаза – это огромный камин, в котором шептались поленья. Прямо напротив камина, в нескольких шагах, стояла очень красивая, длинная софа с высокой, резной спинкой и боковыми ручками. Справа был огромный шкаф, доверху набитый книгами. Некоторые стояли ровно, некоторые небрежно брошены на полке, одни раскрыты, другие заставлены кружками и прочим бытовым хламом. Слева стоял огромный, тяжелый письменный стол из дерева, за ним – огромное окно, в которое задумчиво смотрел высокий, стройный, широкоплечий мужчина. Он стоял в пол-оборота ко мне и задумчиво потирал подбородок. Все, что я видела – это гладко выбритую щеку и волны крупных локонов темных волос, длинной до плеч, убранных назад. А еще совершенно очевидно, что до преклонного возраста ему еще очень далеко.

Не знаю, сколько мы стояли в полной тишине, может, минуты две, а может, и целую вечность. Он полностью погрузился в свои раздумья, поэтому моего присутствия не замечал. Я позволила себе рассмотреть, более чем скромный наряд Графа – простая белая рубашка и темно-синие брюки, великолепно сшитые, но покрой настолько прост и непритязателен, что я усомнилась, Граф ли это. Он был в одних носках, и почему-то мне это показалось забавным. Наверное, сказались нервы, но я не смогла сдержать короткий смешок, чем и выдала свое присутствие.

Он повернулся и посмотрел на меня, а в следующую секунду, я забыла, как дышать. И если женщина, которая встретила меня в коридоре, вызвала желание во всеуслышание кричать от восторга, то он вызывал благоговейный трепет и полный ступор. Господи, как же он был красив! Удивительно правильные черты лица – прямой, классической формы, нос, слегка полноватые губы, чей четко очерченный контур и чувственная форма приковывали взгляд. А глаза... Смотриющие из под черных, густых ресниц и бровей, они были завораживающими. Не просто синий, а удивительно глубокий, словно море, цвет, насыщенный и кристально чистый, пронзительный и пленительный. Глаза цвета сапфира были настолько синими, насколько это вообще было возможно. Яркий, темный и чистый цвет и такой спокойный, полный власти взгляд. Желудок мой ухнул вниз, когда его холодный, острый взор вонзился в меня. Лед пробежал по позвоночнику, внутри меня зазвенела, завибрировала звонко натянутая струна, и ее звон отозвался мурашками по коже. Выдохнула. Вдохнула. Вот это да... Словно замороженная я смотрела на сапфировые глаза, в которых было столько силы, что она казалась осязаемой. И вдруг в его взгляде мелькнуло секундное замешательство. Словно бы, он вспомнил что-то, и красивое, сосредоточенное лицо смягчилось, разгладились морщинки на лбу, сжатые губы раскрылись, словно собираясь сказать что-то, обнажив идеально ровные, белые зубы. Все это длилось считанные доли секунды. Одно мгновение – пламя вспыхнуло, осветив его изнутри, и снова погасло. Губы сомкнулись, окончательно заперев несказанное, в глазах острыми копьями сверкнул лед, а лицо стало непроницаемым.

Он повернулся и медленно прошел к своему столу. Движения его напоминали льва – природная грациозность и непринужденность, легкость, но собранность. Четкость, плавность каждого движения была отточенной, но в то же время совершенно естественной. Никакой наигранности, неловкости и скованности. Ни одного лишнего движения. В одно мгновение я почувствовала себя неуклюжей, некрасивой и какой-то ничтожной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.